

АНДРЕЙ
ПЕТРАКЕЕВ

БЕЗ
КОМПРОМИССОВ

Боевая фантастика (АСТ)

Андрей Петракеев

Без компромиссов

«АСТ»

2018

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Петракеев А. А.

Без компромиссов / А. А. Петракеев — «АСТ», 2018 — (Боевая фантастика (АСТ))

ISBN 978-5-17-110333-0

В результате спецоперации подразделения «Росомахи» из пяти разведчиков остается в живых лишь Ник Коулл. Современная медицина, каких бы высот она ни достигла, не способна вернуть его к прежней жизни. И лишь странный выверт судьбы даёт ему второй шанс. Теперь он – биот, искусственный человек. Не останавливаясь ни перед чем, Ник дойдет до самой верхушки в иерархии тех, кто ради наживы отправил на смерть отряд «росомах».

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-110333-0

© Петракеев А. А., 2018
© АСТ, 2018

Содержание

1	6
2	8
3	11
4	13
5	16
6	19
7	22
8	25
9	28
10	31
11	34
12	38
13	42
14	45
15	48
16	51
17	54
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Андрей Петракеев

Без компромиссов

© Андрей Петракеев, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

1

Андрес Коулл в нетерпении переминался с ноги на ногу, пристально глядя на стеклянные двери зала прибытия. Челнок с транссистемного лайнера приземлился уже минут двадцать назад, и пассажиры вот-вот должны были появиться.

Рядом стоял громила Бэнкс, телохранитель мистера Коулла. Он просеивал взглядом людей в зале ожидания и методично двигал челюстями. Жвачка была его пунктиком.

Наконец стеклянные двери разошлись в стороны, и из зала прибытия хлынул поток прибывших на Бригантию. Мистер Коулл заволновался, чуть подался навстречу потоку, но Бэнкс его опередил и шагнул вперед.

– Я вижу его, мистер Коулл, – пробасил он. – Через минуту он будет здесь.

Из живой реки пассажиров отделились три человека, один из которых катил инвалидное кресло с сидящим в нем молодым человеком. Двое сопровождающих, одетые в военную форму, едва приблизились, козырнули Коуллу, третий, который толкал кресло, видимо был гражданским, просто кивнул.

– Добрый день, мистер Коулл. – Военный со знаками различия капитана на кителе протянул руку. – Капитан Сазонов. Это лейтенант Дэнни Стамп и мистер Брамс, медик-волонтер.

– Приятно познакомиться, – кивнул мистер Коулл и склонился к сидевшему в кресле человеку. – Здравствуй, Ники!

Коулл провел ладонью по щеке молодого человека, тот отреагировал и посмотрел на склонившегося перед ним седовласого человека. Взгляд был пустым и бессмысленным.

– Он слышит вас, мистер Коулл, но вряд ли что-то понимает, – сказал волонтер Брамс.

Все вместе они покинули здание космопорта и, усевшись в личный гравибот мистера Коулла, отправились в его резиденцию, расположившуюся на островах, в двухстах милях от Валлии – одного из четырех городов планеты, где располагались космопорты.

По прибытии Коулл распорядился накрыть в малой гостиной стол и усадил своих гостей за стол. Инвалидное кресло с молодым человеком поставили рядом с Коуллом, справа.

– Он вполне может справляться со всеми делами, мистер Коулл, – говорил Брамс, ухаживая за инвалидом. – Он самостоятельно ест, справляет нужду и моется тоже сам. Но что касается общения, увы.

Брамс разложил перед инвалидом приборы, вложил в руку ложку.

– Главное говорить ему, что нужно делать. Если не сказать, что нужно кушать, он так и будет сидеть.

– Я понял, мистер Брамс, – кивнул Коулл и жестом разрешил подавать на стол. Три стюарда быстро принесли горячее, расставив перед каждым. – Угощайтесь, господа, для меня честь принимать боевых товарищей моего племянника.

Некоторое время все молчали, лишь позвякивали приборы о тарелки. Коулл ел нехотя и не спеша, практически не отрывая взгляда от племянника.

Когда с обедом было покончено, Коулл проводил гостей в свой кабинет, где все разместились в глубоких удобных креслах.

– На время, пока вы ожидаете лайнер, предлагаю вам остаться у меня в гостях, – предложил мистер Коулл.

– Спасибо, мистер Коулл, – поблагодарил капитан Сазонов. – Но у нас всего два дня, а упускать их не хочется. Понимаете?

– Конечно, конечно, господа, – согласился с решением военных Коулл. – Но, надеюсь, вы мне расскажете, что же на самом деле произошло с Николасом?

Рассказывать, естественно, начал капитан Сазонов.

– Я сильно привру, мистер Коулл, если скажу, что та операция была рядовой. У нас, «росомах», рядовых операций не бывает. Всех подробностей я не имею права вам передавать, но тем не менее. Был бой, мистер Коулл, Ник был в первой пятерке. Они шли быстро, такая у нас тактика, первая пятерка – разведка боем. «Росомахи», как правило, ведут бои в замкнутых пространствах, нам это привычнее всего, для этого нас и натаскивают. Все было по плану, потерь не было, но в какой-то момент пятерка Ника попала под веерный огонь из автоматической подвесной турели. Двоих сразу выкосило, остальные нашли укрытие. Турель устранили, но не учли один момент – стены в коридоре, где была турель, были покрыты листовым металлом с антимагнитным напылением. Рикошеты в таких помещениях дело обычное. Вот один осколок Нику и... После боя его вынесли, медик вообще поначалу констатировал смерть, но ничего, очухался. Э-э-э... простите, сэр, пришел в себя.

Но Коулл лишь махнул рукой.

– А потом госпиталь, ну, это вы уже знаете. – Сазонов вздохнул. – Ходить-то его научили, а вот... В общем, Ника списали.

– Он ходит?

– Да, – вмешался Брамс, видимо, все, что касалось медицины, было на нем. – Он свободно перемещается, но очень медленно. Он как бы весь в себе, понимаете? В своем мире.

– А зачем же тогда коляска?

– Так удобнее было транспортировать Ника, – ответил капитан Сазонов.

Они еще беседовали пару часов, и Коулл заметил, что за это время лейтенант Стамп не произнес ни слова. Но зато, когда сослуживцы Ника и волонтер прощались с ним на пороге дома, Стамп ловким движением сунул в карман пиджака Коулла сложенный вчетверо лист пластбумаги. В город гостей отвезли на том же комфортабельном гравиботе.

Проводив взглядом улетающий гравибот, мистер Коулл сунул руки в карманы пиджака и решил вернуться в дом, но в этот момент пальцами наткнулся на листок. Он достал его, развернул. На листе убористым почерком было написано всего пару строк. Коулл решил пройти в дом, в кабинет и там прочесть. В холле он увидел Ника, который стоял буквально посередине и смотрел куда-то вверх, в угол.

– Ники! Мальчик мой! Пойдем со мной! – Коулл подхватил Ника под локоть и увлек за собой. – Завтра я найму тебе сиделку, какую-нибудь молоденькую девушку. А потом мы попробуем вернуть тебя к жизни. Пойдем со мной, твой боевой товарищ оставил мне записку, читаем, что там?

Усадив Ника в кресло, где до этого сидел капитан Сазонов, Коулл подошел к столу, поднес лист к настольной лампе.

«Ника подстрелили свои. Нарочно или нет, не знаю. Сазонов из внутренней службы безопасности, и он будет периодически навещать вас. Будьте осторожны».

Коулл обернулся и посмотрел на Ника, потом подошел к нему, погладил по голове как маленького мальчика, как когда-то делал.

– Ничего, Ники, прорвемся.

2

Прошло два года с тех пор, как Николаса Коулл привезли домой. Мистер Коулл заботился о своем племяннике как о родном сыне. Родители Ника погибли, когда ему было четыре года, и Андрес Коулл взял его на воспитание. В ту пору уже не молодой, но успешный бизнесмен, мистер Коулл занимался производством медикаментов, бизнес был в основном ориентирован на изготовление и формирование медицинских пакетов и наборов для армии и флота. Компания «Коулл фармасьютикал» не была гигантом, но крепко стояла на ногах. Он не был миллиардером, да и миллионером его назвать можно было лишь с натяжкой. Он с удовольствием тратил деньги на благотворительность, в частности поддерживая финансово два приюта – один для детей-инвалидов, другой для пожилых людей, кому не нашлось места в большом мире.

Сегодня был день рождения Ника, и мистер Коулл, уже потративший приличную сумму на попытки вылечить своего племянника, решил взять небольшой тайм-аут в этой гонке. Прогресс некоторый был, и это не могло не радовать мистера Коулл, врачи в один голос утверждали, что полное выздоровление не за горами, нужно время. Ник уже стал больше обращать внимания на людей, среди которых находился, хотя время от времени впадал в прострацию и мог часы напролет сидеть и смотреть в одну точку.

Стол был накрыт по-праздничному, в центре огромный торт со свечами. Прислуга раскладывала столовые приборы и расставляла бокалы на десять персон. Гостей Коулл не ждал, решил устроить домашний праздник. Все, кто работал у него в доме, были отчасти его семьей. Мама Налия, повариха, чернокожая толстуха с белозубой улыбкой. Ее муж Асим, садовник, лысоватый крепыш, нос картошкой, чуть моложе своей жены. Телохранитель Бэнкс, неизменно жующий жвачку. Четыре брата Нолкс, делающие основную работу по дому, сиделка Фанни Ортанс, полноватая, но быстрая на ногу девушка двадцати пяти лет, и домоправительница Кэтрин Таргис, пятидесятилетняя сухошавая женщина с пронзительным взглядом. Но она сегодня отсутствовала, поехала навестить своих детей в пригород Валлии.

Едва накрыли на стол, а Коулл велел нести все и сразу, чтобы не отрывать никого от еды, стали рассаживаться. Ника посадили в торце стола, сделав его главой.

– Давайте, не стесняйтесь, накладывайте себе все подряд и ешьте. – Коулл встал на минуту, окинул взглядом стол. – И первым делом подниму бокал за моего племянника Ника, ради которого мы и устроили сегодняшнее торжество.

Мистер Коулл повернулся к Нику, который уже принялся за еду, улыбнулся.

– Ник, посмотри на меня, сынок, – попросил Коулл. Ник оторвался от еды и, подняв голову, уставился на дядю. – Отлично. Ник! Я поздравляю тебя с твоим тридцатилетием, желаю тебе скорейшего выздоровления, желаю тебе долгих лет жизни. Еще хочу в этот день попросить у Бога для тебя второй шанс. Ты был хорошим парнем, надеюсь, ты заслужил его, что бы там ни произошло с тобой. Слишком много было для тебя уже горестей. С днем рождения, Ник!

– С днем рождения! С днем рождения! – все встали и подняли бокалы.

Далее праздничный обед проходил в более спокойной и расслабленной обстановке, и каждый успел сказать короткий тост.

После обеда наступил момент, когда Ника подвели к торту.

– Давай, Ники, задуй свечи! – обнимая племянника за плечи, попросил мистер Коулл. – Постарайся с первого раза!

Но ничего с первого раза не получилось, Ник дул и дул, погасив лишь с десяток свечей. Но он улыбался. Со всех сторон ему помогали, вновь зазвучали поздравления.

А вечером мистер Коулл и Ник сидели на террасе, в плетеных креслах, наблюдая закат. Вернее сказать, наблюдал мистер Коулл, а Ник просто пялился на тонкую рябь моря и улы-

бался. По мнению мистера Коулла, что-то сдвинулось в мозгу племянника, что-то произошло с ним, раз такая реакция.

– Ничего, Ник, все пройдет. Нам с тобой нужно всего лишь немного времени.

Но времени, как показали следующие полгода, не оставалось. Дела компании мистера Коулла внезапно пошли на спад, контракты не подписывались, поставщики вдруг подняли цены на компоненты. А постоянные покупатели ни с того ни с сего начали один за другим отказываться от продукции «Коулл фармасьютикал».

Мистер Коулл искал другие каналы сбыта продукции, других поставщиков, но дело медленно сбавляло обороты. Личный врач вдруг начал раз за разом выдавать рекомендации о более спокойном образе жизни:

– Нервы, мистер Коулл, не восстанавливаются. Вы просто насилуете свой организм, работая по двадцать часов в сутки. Возможно, есть какое-то другое решение проблем? Не загоняйте себя.

Но мистер Коулл его не слушал, всеми силами старался спасти свой бизнес, и в итоге у него случился сердечный приступ. Неделя в клинике не образумила старого бизнесмена, он с новыми силами принялся за дела и еще две недели спустя вновь оказался на больничной койке. В этот раз все оказалось намного серьезнее.

Все это время Бэнкс, личный телохранитель, давно уже ставший другом и членом семьи, не отходил от Коулла. В один из дней он позвонил домой и приказал привезти в клинику Ника.

Это было прощанием, мистер Коулл знал, что ему осталось всего ничего, пара дней, может неделя. О пересадке сердца речи и быть не могло, обнаружили какие-то патологии сосудов, с которыми врачи не могли совладать.

Ника усадили подле кровати и оставили с мистером Коуллом наедине.

– Я не знаю, Ники, понимаешь ли ты, что я тебе говорю, или нет, но я должен это сказать. Запомнишь или нет, не знаю. Но я должен. Все пошло не так, как я хотел, недолго мне осталось, эти эскулапы что-то совсем залечили меня. – Коулл попробовал привстать и придвинуться поближе к Нику, но лишь закашлялся и вновь откинулся на подушку. – Я знаю, что все совсем не так, как это представляется со стороны. Я просто мешаю кому-то. У меня нет друзей, кто мог бы поспособствовать в этой неразберихе, да я и смирился уже. Знай только, что для тебя я кое-что оставил, на крайний случай. Наклонись ко мне, Ники, пожалуйста...

Ник послушно привстал и наклонился над дядей, тот обхватил его шею дрожащей рукой и зашептал в ухо. В какой-то момент он захрипел и конвульсивно сжал шею Ника сильнее. Тот инстинктивно попытался высвободиться, но мистер Коулл держал его мертвой хваткой, в прямом смысле слова. Через минуту в палату ворвались Бэнкс и две медсестры, а следом и дежурный врач. Бэнксу удалось освободить Ника от хватки мистера Коулла, а врач через минуту констатировал смерть.

– Он задушил его! – воскликнул врач, указывая пальцем на Ника, который часто дышал, его крепко держал Бэнкс. – Он его убил!

Слова врача, видеозапись без звука из палаты, подтверждения двух медсестер – все это стало для Ника приговором. На суде он вел себя все так же, как и раньше, смирно сидел и смотрел прямо перед собой. Его обвинили в непредумышленном убийстве в состоянии невменяемости. Процесс был недолгим, но справедливым. Отбывать наказание Нику назначили в специализированной тюрьме-клинике для душевнобольных.

Все имущество мистера Коулла пошло с молотка, хотя на это было его особое распоряжение в завещании. Все его работники получили выходное пособие, особо близкие, те, кто работал в его доме, получили более приличные суммы. На этом все закончилось. Единственным, кто не согласился с выводами следствия, был Бэнкс. Он пытался доказать, что Ник не мог задушить своего дядю, но сдался после того, как ему показали неопровержимые доказа-

тельства в виде фото шеи его бывшего хозяина, на которой явно присутствовали синяки от пальцев. Плюс ко всему припомнили его, Ника, боевое прошлое.

– Все это является неопровержимым доказательством того, что Николас Коулл задушил своего дядю, – говорил на процессе обвинитель. – Да, он не в себе, да, он болен, и суд учтет это. Но что сделано, то сделано.

Ника поместили в клинику, которая, по сути, была тюрьмой, ну или наоборот. Все «постояльцы» этого заведения имели «степень», как выражались местные охранники, то есть являлись душевнобольными преступниками, совершившими свои преступные деяния, не ведая, что творят.

3

Камеру-палату Нику пришлось делить со старым ниппонцем, который большинство времени проводил просто сидя на койке, поджав под себя ноги и медленно раскачиваясь из стороны в сторону. Ник сидел всегда напротив и, казалось, смотрел на ниппонца. Свои посиделки они прерывали лишь для того, чтобы сходить по команде на завтрак, обед и ужин или по нужде.

Первые полгода Ника навещал Бэнкс, он приносил передачи, ничего особенного: конфеты, шоколад, будто маленькому ребенку. А потом перестал приходить. Но Ник этого не заметил, по крайней мере его поведение ничуть не изменилось.

В комнате дежурного персонала была пересменка. Четверо охранников, работающих у мониторов, сдавали смену, четверо принимали. То же самое сейчас происходило во внутреннем дворе клиники-тюрьмы, где менялись внутренние охранники блока.

– Ну, что нового, парни? – спросил старший новой смены. – Как наши подопечные?

– Да никак, – отмахнулся старший смены, сдающей свое дежурство.

– Да все как обычно, – подтвердил еще один сдающий. – Только этот, который с самураем сидит, чудить начал.

– Буйство проявляется?

– Не-а, просто стал вместе с ниппонцем качаться, – охранник ощерился. – С кем поведешься, как говорится, от того и наберешься.

– А как качается? – заинтересовался старший.

– Да вон, посмотри, – указал коллега на мониторы. – А нам пора. За смену насмотритесь! Все, удачи!

Сменившиеся охранники ушли, а новая смена расселась у мониторов и все стали первым делом смотреть на заключенного под номером 347/39, который сейчас раскачивался в унисон со своим сокамерником, как метроном.

– Вот чего у них в голове, а? – поинтересовался один из охранников.

– Кто ж знает? – откликнулся другой.

– Но качаются здорово, синхронно так! – восхитился третий.

– Вы не расслабляйтесь! – предупредил всех старший смены. – Они убийцы, это важно. Это с виду они как болванчики, а чуть что переклинит в голове, начинают крошить налево и направо. Вы не забывайте, что ниппонец один сорок два человека порешил за одну ночь, простой железкой, а потом еще и себе брюхо вспороть хотел. А этот молодой – какой-то бывший спецназовец, на службе людей крошил, домой приехал и родного дядю уколошил.

– Да знаем мы! Только никакой он не спецназовец! – один из охранников встал. – В третьем блоке сидит один из группы «Сорвиголова», вот это настоящий спецназовец, шкаф! Здоровый, высокий... А этот доходяга какой-то. Ладно, я пойду в пакгер воды залью и картриджи поменяю, кто-нибудь кофе будет?

– Всем делай! – распорядился старший. – Так, хорош глазеть на этих клоунов. Кутсон, сходи за журналом вниз, заодно скажи Пирксу, что сегодня мы хотим отыгаться за прошлую игру. Но сегодня будем играть здесь, у меня есть идея, как их ободрать. Давайте, парни, за дело. Просмотрите все камеры и сделайте уже по первой записи.

Смены сменялись одна за другой. Время шло, пролетело пять лет. Совместные качания из стороны в сторону уже никого не удивляли. Жизнь в клинике-тюрьме текла своим чередом. Утром всех заключенных препровождали в столовую, потом выпускали на прогулку во внутренний двор. Затем опять загоняли по камерам, которые, впрочем, на день не запирались. Особо буйных содержали в отдельных блоках. До обеда заключенных посещали медики. Потом был обед, снова прогулка, ужин. Без двадцати десять вечера охранники загоняли подопечных

в камеры, которые закрывались на ночь. Единственные, с кем не было проблем, – это старый ниппонец и Ник. Они даже на прогулке садились напротив друг друга и начинали мерно раскачиваться. Охрану сначала это забавляло, потом привыкли. Медики тоже поначалу проявляли повышенный интерес к этой паре заключенных, но потом махнули рукой. Что там, в головах у этих сумасшедших, которые за все время своего заключения – что один, что другой – не произнесли ни слова?

В один из дней произошло нечто, вызвавшее легкий переполох среди охранников. Заключенные из камеры № 932 не качались! Впервые за пять лет они просто сидели друг перед другом с закрытыми глазами и не качались из стороны в сторону. Были вызваны медики, которые на несколько суток изолировали этих двоих друг от друга, переведя их в медицинский блок.

Но исследования ничего не дали. Поведение этих двух больных не изменилось, не отмечалось никакой агрессии или излишней апатии. Они одинаково реагировали на команды охранников и врачей. Но больше не раскачивались.

После этого «инцидента» прошло еще несколько месяцев, и жизненный ритм тюрьмы-больницы вновь вошел в свое привычное русло. Охранники заступали на смены и сменялись, жевали свои бутерброды, литрами пили кофе, по ночам играли четверо на четверо в скрапс на деньги. И вроде бы все шло как обычно.

4

После ужина Ник привычно вошел в свою камеру, уселся на койку. Через пару минут в камеру тихо вошел ниппонец. Он уселся на свою койку, поднял глаза на Ника.

– *Ну, вот и все,* – произнес он.

– *В смысле?* – не понял Ник, он смотрел в глаза ниппонцу.

Со стороны все было как обычно, два заключенных сидели друг напротив друга и молча смотрели друг другу в глаза. Но на самом деле, они общались. Как? Об этом знал лишь старый ниппонец.

– *Это все, парень. Я готов уйти, тебе тоже пора уходить.*

– *Куда?*

– *Куда хочешь,* – ниппонец усмехнулся. – *Тебя здесь больше ничего не держит. Я вернул тебе возможность воспринимать мир таким, как он есть. Пора уходить.*

– *А ты?*

– *Я тоже не задержусь. Но мой дальнейший путь намного короче твоего.*

– *Ты хочешь умереть? Ты хочешь наконец-то исполнить свою клятву?*

– *Да, время пришло. Я готов, и страха больше нет.* – Ниппонец сверлил взглядом Ника.

– *Ты чужак для меня, для моей веры, для моей культуры, но именно ты мне помог. А я помог тебе. Я шесть лет здесь, и все эти годы были для меня тем самым путем, о котором говорили мои учителя.*

– *И что мне теперь делать?*

– *Уходи. Делай что хочешь, ты свободен.*

Ник смотрел на старца, не отрываясь, но тот прикрыл свои узкие глаза, прерывая контакт.

– Чего застыл? Больше мне нечего тебе сказать, проваливай отсюда, парень. – Старик сказал это уже вслух и повелительным жестом, будто отметая от себя что-то, поторопил Ника. Тот встал, поклонился и, повернувшись, шагнул вперед, ударившись в этот момент головой о стену, пошатнулся от удара и вспышки в глазах. Обернулся.

– Все, все, иди уже, – ворчливо забормотал ниппонец. – Иди уже, не мельтеши.

– Ага, – Ник кивнул и, сделав шаг в сторону, вышел из камеры. В этот момент внутренние охранники начали вечерний обход перед закрытием камер на ночь.

Но куда идти, что делать, Ник не знал. Он топтался в решетчатом коридоре, не зная, что делать дальше. Охранник, проходящий в этот момент за ограждением и постукивающий дубинкой со встроенным электрошокером по решетке, остановился.

– Эй! А ну, быстро в камеру! – прикрикнул он на Ника, и тот послушно повернулся, чтобы войти в камеру. И в этот момент он увидел, как ниппонец с перекошенным лицом схватил себя за шею. Ник бросился к нему, ухватился за руки, пытаясь оторвать от шеи, что-то брызнуло ему в лицо, теплое. А уже через секунду он понял, что это кровь. Ниппонец проколол себе яремную вену заточкой, сделанной из простой пластиковой ложки.

– Ух-хо-ди... – просипел ниппонец, и его сотрясла конвульсия. Кровь теперь хлестала из вспоротой шеи, а Ник все пытался отвести его руки.

В этот момент взвыла сирена, все двери стали с грохотом закрываться. Все, кроме одной. Еще через полминуты в камеру ворвались трое охранников. Один тут же ткнул дубинкой-шокером в бок Ника, второй рывком отбросил на койку, прижав коленом.

– Что там?!

– Готов! – заорал третий охранник, взявшийся было осмотреть ниппонца. – Он его заточкой в шею!

В этот момент в камеру вбежал дежурный медик, на ходу открывая свой кофр. Но едва приблизившись к ниппонцу, опустил руки.

– Вот тебе и подарок ко Дню всех Героев! – воскликнул медик. – Как же он так быстро, а?

По тревоге были подняты дополнительные силы охраны и вызван начальник тюрьмы-клиники, Дори Копельман. Ника препроводили в отдельную камеру-одиночку, а возле двери остался дежурить один из охранников, постоянно наблюдая за поведением заключенного.

Через час в конференц-зале собрались все, кто дежурил в блоке на момент инцидента, а на постах их заменило прибывшее вспомогательное отделение. Начальник некоторое время в тишине просматривал запись с камеры наблюдения, потом поднял глаза на собравшихся.

– И как вы могли такое пропустить? – Копельман обвел всех взглядом. – Как мог заключенный пронести ручку от ложки в камеру? Осмотр проводили?

Но все молчали.

– За три дня до проверки, за четыре дня до Дня всех Героев! У нас не было инцидентов уже восемь лет! Восемь долбанных лет! И вот, когда я собираюсь представить к наградам большую часть из вас, когда половина из личного состава ждет повышения в звании, когда наше заведение имеет практически стопроцентный шанс получить приз как самое благонадежное и исполнительное, а также шанс получить дополнительную дотацию от правительства, происходит такое!

Копельман брызгал слюной, его лицо покраснело, глаза вылезали из орбит. Но все присутствующие сидели тихо, опустив глаза. Все случилось очень быстро, личный состав отреагировал быстро, все было сделано по инструкции. Все это знали, в том числе и начальник. Но сейчас он орал. Это был один из аспектов его работы – периодически орать. При всем этом все знали, что повышение могло светить лишь паре человек, да оно им было гарантировано в любом случае, просто немного отодвигалось во времени. На пару недель, максимум на месяц. Все прекрасно знали, что приз и в этот раз их тюрьма не возьмет, Копельман не имел такого веса, как начальник Доухартской тюрьмы строгого режима. Это просто был фарс, игра. И дотацию никто сверх меры никогда не даст. Единственное, что было плохо, так это тот факт, что инцидент случился в аккурат перед плановой проверкой.

– Каждый из вас напишет рапорт, – Копельман немного сбавил тон. – Каждый! И вы, док, тоже! Медикам и психологам провести расследование и доложить мне! Даю вам сутки! С этого убийцы глаз не спускать! В карцер его! Оградить от остальных, накачайте его успокоительным, пусть будет как овощ!

Следующие сутки оказались для персонала тюрьмы чрезвычайно напряженными. Начальник не покидал своего кабинета и то и дело требовал отчетов. Первыми на стол Копельмана легли рапорты о происшествии от охранников. Он отдал их вызванному из города психологу и велел найти хоть что-то.

– Кого-то нужно уволить, обязательно! – Копельман воздел палец вверх. – Кто-то должен поплатиться за инцидент!

Следом поступил отчет от медиков и психологов, которые провели расследование. Его принес Ганс Алькин.

– Сэр, тут такое дело...

– Смелее, Алькин, – подбодрил медика начальник.

– Мы просмотрели записи до инцидента и после, в частности и записи самого... э-э-э...

– И?

– По всему выходит, сэр, что заключенный Каташи сам себя убил.

– Да ну? – Копельман подался вперед. – Каким же образом?

– Он сам воткнул себе обломок ручки от ложки в шею. За каких-то тридцать секунд до того, как в камеру вошел заключенный Коулл. Вот, посмотрите. – Алькин положил перед начальником планшет и активировал запись. – Вот, смотрите, они сидят друг напротив друга, смотрят друг другу в глаза. Это обычное их поведение. А вот теперь, смотрите, Каташи говорит.

– Звук есть?

– Да, сэр, но при таком медленном воспроизведении вы ничего не поймете. Я позже вам проиграю на обычной скорости. Смотрите дальше. Каташи говорит, но едва раскрывая рот и очень тихо. Но Коулл его, по всей видимости, слышит. Вот Коулл встает и выходит, вернее, пытается выйти, ударяется о стену, оборачивается, Каташи ему опять что-то говорит, Коулл выходит из камеры. А теперь смотрите внимательно. Едва Коулл покинул камеру, Каташи вонзает себе в шею ручку от ложки. Обратите внимание, что она обернута полоской ткани. Он оторвал ее от простыни.

– Зачем?

– Таким образом он сделал импровизированную пробку, чтобы кровь не хлестала при прорыве яремной вены. Вот он проткнул себе шею, в этот момент возвращается Коулл. Когда он стоял в коридоре, его загнал обратно в камеру охранник, делающий плановый обход по галерее. И вот, едва увидев, как его сокамерник пытается покончить жизнь самоубийством, Коулл старается остановить его, но, вынув оружие из раны, лишь усугубляет положение.

– Значит, он делал это осознанно? – поинтересовался начальник.

– Они все делают многие вещи осознанно. Это не выходит за рамки их поведения. Я имею в виду всех заключенных, сэр. Коулл не исключение.

– Но как мы знаем, Коулл попал сюда как раз по схожему делу, не так ли? Он задушил своего родственника на больничной койке. Знаете, я, кажется, все понял. Кто еще видел этот отчет?

– Пока только я, сэр.

– Это очень даже хорошо! Вы можете немного переделать видеоотчет? Чуть-чуть переделать. Вы ведь до прихода к нам работали экспертом по поведению, к тому же у вас высшее техническое образование. Я хочу, чтобы тот момент, когда этот, как его, Каташи, сам себя убивает, исчез, а вместо этого было бы понятно, что его пырнул Коулл. Естественно, хронометраж должен быть сведен к единому знаменателю. Улавливаете мою мысль?

– Н-не совсем, сэр, – помотал головой Алькин.

– Если все предоставить комиссии так, как есть, то это будет считаться нашим упущением. Предпосылки были? Были. И вы не могли их не заметить! Даже я заметил! Они ведь раньше раскачивались как два болванчика! А потом перестали!

– Но, сэр, их состояние было на тот момент стабильным! Был такой период, потом наступил другой, это нормально. Таких случаев полным-полно.

– Да, да, Алькин, но мы сделаем отчет для комиссии так, как нам нужно. Мы предоставим им сведения о том, что Коулл был переселен в одиночную камеру. А потом он напал на своего бывшего сокамерника буквально за минуту до отбоя. Рецидив? Да. Мы предприняли все, что было возможным? Да. Но такое случается. Увы. А если комиссия вдруг докопается до чего-нибудь, чего мы не видели? Если они вдруг интерпретируют те или иные действия заключенных по-своему? И спросит, а почему у вас потенциальные буйные сидели вместе? Да-да, Алькин, я прикрываю свою задницу, точно. Но я прикрываю задницы и всех тех, кто работает здесь. Так что сделайте так, как я сказал. Подправьте отчет, и я вас не забуду. Я обещаю.

– Х-хорошо, сэр, – Алькин боязливо кивнул, но под строгим взглядом Копельмана кивнул еще раз, уже тверже.

– Вот и отлично, идите, делайте.

Едва Алькин ушел, Копельман откинулся в кресле и деловито потер ладонь о ладонь.

– Так, дело сдвинулось, хорошо.

5

Ник лежал на койке и смотрел в белый потолок одиночной камеры. По размерам она была точно такая же, как и двойная, но койка здесь была одна, и она была у€же. Свет был приглушен, квадрат встроенного светильника едва тлел. После удара шокером он очнулся здесь, в состоянии какой-то прострации. Мысли текли медленно и лениво.

«Где я? Что происходит? Что с ниппонцем? Вроде бы он вскрыл себе горло? Так? Проткнул чем-то. Сказал, что ему пора уходить. И мне велел уходить. А куда? Где я?»

В этот момент квадрат светильника вспыхнул, ослепив смотревшего в потолок Ника, он зажмурился, а перед глазами понеслась череда сцен.

Узкий коридор... Он, пригнувшись, семена, продвигается вдоль стены. Впереди едва виднеется спина второго номера. Поворот, и вдруг всполохи, крики и хрипы. Он подается назад, но в бедро впиивается шариковая пуля. Терпимо, главное сейчас убрать помеху.

– Веерный огонь! Предполагаю наличие автоматической турели! – Ник быстро передает информацию, четвертый и пятый номера замерли чуть позади. А он готовит электромагнитную гранату, чтобы обесточить турель. Дело простое, с виду. Но турель срабатывает от массдетектора или от датчика объема, а может быть, и от обоих сразу. Поэтому в поле ее действия должно появиться что-то, что заставит высунуться ее из гнезда.

Четвертый номер подбирается ближе, готовит поясную лебедку со складной кошкой, которой нужно будет подцепить одного из убитых бойцов, чтобы сдвинуть его с места.

Они действуют слаженно: едва трос лебедки начинает тянуть тело из коридора за поворотом, слышится шорох раздвигаемых сегментов гнезда... Доля секунды, и Ник закидывает за угол гранату. Короткая вспышка, лебедка тянет тело, турель не стреляет. Ник выглядывает в коридор, отмечая подробности.

– Цель уничтожена, продолжаем движение! – Он оборачивается, но в этот момент еще одна вспышка.

– А-а-а-а! – Ник заорал и упал с койки. Охранник, едва вошедший в камеру, тут же отшатнулся, но потом ткнул дубинкой-шокером в живот Нику. Тот конвульсивно дернулся, застонал, но уже через секунду замер, обмяк.

– Зачем?! – заорал на охранника медик. – Зачем шокером?! Он мне нужен в сознании!

– Ну, пока довезем до медблока, очухается, – охранник отмахнулся. – Он буйный, а у меня инструкции! Эй, парни! Давайте каталку и ремни!

В себя Ник пришел уже в палате медблока, лежа на специальной койке, спеленутый по рукам и ногам. Вокруг суетились трое медиков, в паре метров, у стены, сучал охранник с дубинкой-шокером в руках.

– Поставим для начала капельницу с физраствором, добавим два кубика успокоительного. А через пару часов начнем вводить антидепрессанты, – бубнил старший медик.

– Как всегда, каскадно? – спросил второй.

– А чем он лучше других? Велено накачать его до полного обезволивания, будем исполнять.

– Вам хорошо, – раскрыл рот третий. – А мне за ним дерьмо прибирать теперь.

– В первый раз, что ли? – усмехнулся старший. – Ты радуйся, что твоя смена скоро заканчивается, так что если и будешь ему задницу подтирать, то разок.

Ник медленно начал проваливаться в сон, голоса медиков истаявали, веки налились тяжестью, и охранник у стены стал размытым, а вскоре и вовсе превратился в темное пятно.

«Куда же мне нужно было уходить?» — мысленный вопрос был последним, после этого Ник заснул.

– Все, отключился! – выдал один медик, наблюдая за Ником.

– Как отключился?! – заорал старший. – Я же сказал добавить успокоительного, а не снотворного! Вот если он во сне обосрется, сам будешь дерьмо из-под него выбирать! Дебилы! С кем я работаю?!

– Прости, босс, я просто перепутал ампулы, – пытался оправдаться медик.

– Вот теперь будешь дежурить вместо Дженкинса!

– Но...

– Накосячил? Отрабатывай! Ты хоть понимаешь, что пока он не отоспится, мы не сможем ему антидепрессанты вводить? Господи, с кем приходится работать?!

– Док! – от стены подал голос охранник. – А почему вы думаете, что этот парень обосрется?

Старший медик перевел взгляд со своего подчиненного на охранника, вздохнул, успокаиваясь.

– Физраствор действует как расслабляющее, он и питает организм и одновременно делает его расслабленным. Уже после физраствора можно вводить антидепрессанты, а это агрессивные медикаментозные формы. Для того чтобы они подействовали, организм человека должен быть полностью расслаблен. А раз расслаблен, значит, может и кучу навалить в штаны. Физраствор всегда действует как слабительное. Кстати, вы можете идти, пациент спит.

– Не-не, док, он рецидивист, мне необходимо здесь находиться.

– Ну, тогда не отвлекайте, – медик отмахнулся, посчитав, что уже достаточно много уделил времени охраннику.

Пока Ник сидел в одиночке, а потом его пытались «умиротворить» медики, время шло. Наступил день, когда прибыла проверочная комиссия. Делегация в числе восьми человек выслушала доклад начальника тюрьмы Копельмана, далее последовал независимый осмотр помещений и заключенных. Двое из комиссии задержались в кабинете начальника.

– Мистер Копельман, – обратился к начальнику тюрьмы Дошуа Хван, глава проверочной комиссии. – Или к вам лучше по званию обращаться?

– Не стоит, мистер Хван, – отмахнулся Копельман. – Давайте к делу.

– Хорошо. Хочу представить вам специального детектива Энди Райбека. Он не работает в нашей комиссии, но после того как в Управлении узнали о том, что произошло здесь, его приписали к нам.

– Разве такая история, как убийство одного арестанта другим, служит поводом для стороннего расследования? – Копельман поднял бровь. – Такие случаи всегда расследуются Службой внутренних расследований. Да и нет ничего необычного в том, что один сумасшедший убил другого. В обычных тюрьмах это происходит постоянно, вы знаете. У нас реже, но и мы не исключение.

– Детектив Райбек здесь немного по другому вопросу, это касается убитого Каташи, вернее его старых дел. Это всего лишь формальность, детектив просто обязан знать все подробности инцидента, чтобы закрыть дело ниппонца, – успокоил Копельмана Хван. – Кстати, вы обещали предоставить нам видеоматериал по поводу происшествия.

– Да-да, конечно, – Копельман выложил на стол желтый пакет из плотной пластбумаги, опечатанный и перетянутый пластиковой лентой. – Вот, пожалуйста.

– Спасибо, – Хван взял в руки пакет, покивал. – Еще будет небольшая просьба, собственно, ради чего детектив Райбек и приехал с нами. Устройте нам встречу с заключенным Николасом Коуллом.

– Э-э-э... – Копельман замялся, но быстро совладал с собой. – Понимаете, какое дело. После инцидента Коулл был перемещен в медблок, где он сейчас проходит некоторые проце-

дуры. Медики наблюдают за ним. Сами понимаете, он совершил убийство, хотя пять лет был примерным подопечным. У него произошел рецидив, как вы знаете, он убил своего родственника, после чего, собственно, и оказался здесь.

– Ему будет увеличен срок содержания? – поинтересовался детектив Райбек.

– Скорее всего, да, – согласился Копельман. – Суд назначил ему наказание в семь лет по его делу. Теперь, скорее всего, продлят еще на пять, а может и больше.

– Значит, сейчас пообщаться с Коуллом не представляется возможным? – вновь спросил Райбек.

– Да вы так и так с ним не смогли бы общаться. За пять лет содержания Коулл не произнес ни слова. Медики постоянно работают с заключенными, но так и не смогли вытянуть из него ни слова.

– Спасибо, мистер Копельман, – кивнул Райбек. – Но все же, как только Коулл пройдет все процедуры, я хотел бы, чтобы вы позвонили мне. Я намереваюсь составить собственное мнение об этом заключенном. В общих чертах, так сказать, чтобы внести это в дело Каташи. Сами знаете, дело закроешь, а потом, через какое-то время, какой-нибудь умник из проверяющих найдет какую-либо заковыку. Знаете ведь, как у нас в кабинетах работают, придираются ко всему.

– Да, конечно, детектив, – Копельман кивнул в ответ. – Эти бумажных дел мастера всегда найдут, к чему придраться. Как только Коулл будет в состоянии общаться, ну, образно выражаясь, я тут же сообщу вам.

Проверка длилась до самого вечера, и лишь в половине одиннадцатого комиссия покинула тюрьму-клинику. Едва мобус с членами комиссии и мобиль детектива Райбека покинули территорию тюрьмы, Копельман облегченно вздохнул. Оставалось только ждать результатов проверки, они появятся три или четыре дня спустя. А сейчас следовало сделать очень важный звонок.

Достав коммуникатор, Копельман на минуту засомневался, стоит ли звонить сейчас или все же подождать результатов проверки, но возобладало первое желание. Он набрал по памяти номер, дождался соединения с коммутатором, набрал еще один номер. Ждать ответа пришлось добрых десять минут. Наконец ответили.

– Слушаю.

– Это Дори Копельман. Хорошие новости для вас. Ваш парень совершил повторный проступок. Очень тяжелый проступок. Скорее всего, ему увеличат срок содержания. Я буду ходатайствовать на максимально возможном увеличении срока.

– Я понял. Как только срок увеличат, на ваш счет поступит сто тысяч кредитов, мистер Копельман. Это очень хорошая новость.

– Вообще-то, я рассчитывал на несколько большую благодарность.

– Мы рассмотрим этот аспект, мистер Копельман. – Голос сделался жестким. – Всего хорошего.

– До свидания, – произнес Копельман, но на том конце уже оборвали связь.

6

Звонок домашнего коммуникатора отвлек Бэнкса от приготовления блинчиков. Он отложил лопатку, отключил блинницу, вытер руки о полотенце, лишь потом поднял трубку.

– Слушаю.

– Мистер Бэнкс?

– Просто Бэнкс, – здоровяк скривился. – Слушаю.

– Это Марти Ческинз, из тюрьмы «Грюнвальд». Вы просили сообщить, если вдруг что-то случится с Николасом Коуллом.

– И? – Бэнкс был немногословен.

– На днях он убил своего сокамерника, одним ударом в шею заточкой из пластиковой ложки.

– Заточкой из пластиковой ложки? Что там затачивать? – Бэнкс удивился.

– У нас это так называется.

– Спасибо, Марти, при встрече я отблагодарю. Часы посещений не изменились? Я смогу навестить Ника Коулла?

– Сейчас вряд ли, – ответил Ческинз. – Недели через полторы, не раньше. Только вчера была проверка, сейчас начальство ждет результатов. Я перезвоню, когда все успокоится.

– До связи, – Бэнкс дал отбой, вставил коммуникатор в гнездо подпитки и вернулся на кухню. Блинница успела немного остыть, но Бэнкс включил ее и, дождавшись пока не замерцает огонек нагрева, налил теста и прижал ответной частью. Тесто зашипело, красный огонек сменился зеленым, Бэнкс раскрыл блинницу и поддел лопаткой румяный блин.

Через полчаса Бэнкс уже сидел в глубоком кресле с широкими подлокотниками. На одном стояла большая, чуть ли не в литр объемом, кружка с молоком, на другом – тарелка со стопкой блинов. Он включил с пульта объемную панель теле, выбрал спортивный канал, где начиналась трансляция боксерского поединка между «химиками», бойцами с огромной массой тела, невероятно быстрыми.

– Давай, Ламбо, надери этому провинциалу-выскочке задницу, – подбодрил одного из бойцов Бэнкс. Позавчера он поставил полторы тысячи кредитов на этого бойца и сейчас хотел получить тройное удовольствие от поединка – блины с молоком, хороший длинный бой и победа фаворита. А в качестве бонуса выигрыш по ставке один к шести.

На ринге начался бой, два здоровяка сразу приступили к активным действиям, нанося двойки или одиночные удары. На первой минуте фаворит Бэнкса получил уже два сокрушительных удара от новичка-провинциала, что вызвало у половины зала крики осуждения, а у половины радостные крики. Бэнкс помотал головой, откусил блин и запил молоком, его взгляд сейчас не был сосредоточен на экране теле, и было непонятно, кому он сказал:

– Вот ведь не везет, так не везет.

В то время, когда Бэнкс смотрел бокс по теле, из тюрьмы-клиники был сделан еще один звонок. На этот раз звонил другой охранник, который назвался своему оппоненту Томасом Штольцем.

– Это Штольц. Вы просили позвонить, если вдруг что-то произойдет с заключенным Коуллом.

– Ну-ну, Штольц, смелее, что там с мистером Коуллом? – голос был хрипловатым.

– Несколько дней назад Николас Коулл убил своего сокамерника.

– Да ну?! – оппонент Штольца удивился. – Так-так, что еще?

– Сейчас идет расследование, но, скорее всего, ему добавят срок к уже имеющемуся, переведут в блок одиночного содержания и усилят медицинское обслуживание.

– Хорошие новости, Штольц, – поблагодарил голос. – Мы вас не забудем. Завтра проверьте свой счет, думаю, мы вас порадуем.

– Спасибо.

Все эти звонки, а также десятки других, сделанные за весь день, сейчас прослушивались, фиксировались и тут же отправлялись на обработку к аналитикам. Всеми действиями руководил специальный детектив Райбек. Его команда базировалась на окраине Валлии, в перестроенном офисном здании с маленьким внутренним двориком. Здесь была расквартирована специальная группа, состоящая из следователей, медиков, аналитиков, специалистов по связи и наблюдениям. В активную часть группы входило шестеро агентов, работающих непосредственно «в поле». Группу создали для раскрытия особо сложных дел, отобрав в нее самых лучших из полиции и техподдержки.

В комиссию по проверке тюрьмы-клиники Райбек поначалу napросился по собственному желанию. Едва он узнал по своим каналам, что в ней совершено убийство, а в деле фигурирует некий Николас Коулл, Райбек вспомнил старое, пятилетней давности дело, в котором он принимал непосредственное участие. Райбеку стало интересно, тем более сейчас не было горящих дел, и он решил посмотреть поближе на этого Николаса Коулла.

Но, едва он послал запрос на участие в комиссии, как ему поступил встречный приказ – под видом расследования инцидента в тюрьме начать тотальную проверку всего штата охранников, старших офицеров и начальника непосредственно. А еще через час на столе у Райбека уже лежал пакет, доставленный специальным курьером. В пакете имелись две записи инцидента – одна реальная, вторая исправленная. Также имелись некоторые материалы в письменном виде.

А через день Райбек приватно встретился с начальником Службы внутренних расследований, из ведомства которого пришел пакет, и тот объяснил, почему это дело доверили специальной группе.

– Энди, я лично ходатайствовал о том, чтобы дело передали тебе, – говорил начальник СВР Тривс Райбеку. – Откровенно говоря, не все в порядке в нашем ведомстве.

– Подтекает? – поинтересовался Райбек, а сам удивился, как это начальник СВР может ходатайствовать о привлечении к работе его группы.

– А где у нас в последнее время не подтекает? – вопросом на вопрос ответил Тривс. Маленького роста, сухощавый, в мешковатом плаще, он взглянул на Райбека.

– У меня. – Райбек, рослый, широкоплечий, с грубоватым лицом, посмотрел сверху вниз на коллегу и улыбнулся.

– Это да, – вздохнул Тривс.

– Ладно, я все понял. Связь буду держать исключительно с тобой, – соврал Райбек и сделал себе мысленную пометку, навестись к своему непосредственному боссу. – Но результатов быстро не жди. Если там целый клубок, нам понадобится время.

– Договорились. – Тривс кивнул. – Но, как ты уже понял, дело не только в протечках и секретности. В этом деле и для твоего отдела много полезного, профильного, так сказать. Вот, возьми.

Тривс передал Райбеку кристалл памяти.

– Пара дел давно минувших дней, но ниточки тянутся в эту тюрьму. Непосредственно к ее начальнику. А вот куда ниточки потянутся от него, это уже ты узнаешь сам.

И вот сейчас в руках Энди Райбека было столько материала, что даже с имеющимся опытом он пасовал перед выбором, каким делом заняться в первую очередь. Приоритетным конечно же являлось дело Дори Копельмана. Но и с ним было не все так просто. На Копельмана имелось три папки материала. Первая была подписана «Медикаменты», вторая – «Связи с преступным миром», и третья – «Соккрытие и искажение фактов происшествий».

Выбор пал на третью папку, и сейчас вся группа отрабатывала последнее происшествие. Райбек решил распутывать дело постепенно, но выбор сделал в первую очередь из-за того, что в инциденте участвовали двое – Николас Коулл и Асси Каташи. И даже не из-за самих них, а скорее из-за того, что в делах обоих так или иначе фигурировала так называемая группа компаний «Магнолия».

Когда специалисты подтвердили факт подлога видеозаписи технически, хотя и имелось признание одного из служащих тюрьмы, что запись была сфальсифицирована, Райбек провел небольшое совещание. Старший агент, старший аналитик и старший техподдержки пришли в кабинет своего босса, расселись за скромным столом.

– Итак, джентльмены, мы имеем подлог, и это доказано. Уже по этому факту можно завести дело на Дори Копельмана. Но этого мало. Он отбредается уже на первом допросе в СВР, скажет, что не хотел портить статистику своему заведению. Поэтому копаем дальше и глубже, благо у нас есть что копать. Слушаем вводную. Я начну немного издалека, а вы уже все это суммируете и начнете работать. Итак, заключенный Асси Каташи, шестьдесят девять лет. Был осужден за массовое убийство, сорок два человека умерли от его рук в течение суток. Предпосылки этих убийств были выявлены как месть за смерть его хозяина, тоже ниппонца, Дайики Хаттори. Перед тем как убили Хаттори, он заключил сделку с группой компаний «Магнолия». Это важно, запомните. Теперь, что касается Николаса Коулла. Бывший боец подразделения «Росوماха», которое специализируется на уничтожении террористических групп, освобождении заложников и проникновении в труднодоступные места для совершения диверсий. Коулл был тяжело ранен в ходе одной операции, я бы сказал, что это чудо, что он выжил. Как инвалид был списан со службы, приехал домой. По факту он был невменяем, но не буйный. Чуть более двух лет прожил в доме своего дяди, Андреса Коулла, который был его опекуном с детства. Что важно, Андрес Коулл в свое время тоже подписал контракт с группой компаний «Магнолия», а спустя полгода его дела пошли на спад. Перенес два инфаркта, но пересадка сердца почему-то в его случае была невозможна. Это нужно проверить. Если потребуется эксгумация для выявления и уточнения патологии, делайте. Естественно, что сторонних специалистов привлекать, как всегда, не стоит. Продолжим. Будучи в клинике, после второго инфаркта, Андрес Коулл был убит своим племянником, Николасом Коуллом, которого привезли якобы для того, чтобы умирающий попрощался с племянником. Соберите досье на всех, кто работал в клинике и непосредственно имел отношение к Коуллу. Также досье на всех, кто работал у него в доме, на всех, от телохранителя до кухарки. Имейте в виду, что за последние сутки из тюрьмы «Грюнвальд» было сделано три звонка, от трех абонентов, на три разных номера. Все разговоры касались Николаса Коулла. Один звонок был по межсистемной связи, техотдел сейчас выясняет, кому принадлежит номер принимающей стороны. Два звонка были местные, один из них – бывшему телохранителю Андреса Коулла, Джиму Грановскому, более известному как Бэнкс. В нашем архиве имеется на него досье. Второй звонок на частный номер, принадлежащий Джейку Уорингтону, совладельцу группы компаний «Магнолия».

Райбек замолчал, достал из ящика стола бутылочку с минеральной водой, откупорил, сделал несколько глотков прямо из горлышка, отставил.

– Очень часто во всех этих делах фигурирует эта «Магнолия», если вы заметили. Я хочу знать все, джентльмены. Докопайтесь до истины. Работаем!

7

Прошла неделя после инцидента в тюрьме. Дори Копельман начал уже немного успокаиваться, отчет комиссии оказался положительным, несмотря на происшествие. Копельман внутренне радовался, но напряжение еще сохранялось. Следовало еще какое-то время держать ухо востро, потому как бывали случаи, что спустя даже месяц после первой проверки, показавшей хорошие результаты, могла нагрянуть вторая. Порой в верхах сомневались в полном порядке.

В кабинет, предварительно постучав, вошел Боб Парис, старший медик, заведующий медблоком.

– Привет, Дори, – поздоровался Парис. С Копельманом они работали уже давно и без посторонних общались накоротке.

– Заходи, Боб, присаживайся. – Копельман жестом предложил Парису присесть к столу, сам же поднялся и прошел к шкафу с деловыми бумагами, открыл одну из створок и достал бутылку виски и два стакана. – Чисто для поднятия настроения, а?

– Давай, – махнул рукой Парис.

Они не спеша выпили по порции, Копельман убрал бутылку и стаканы, вновь подсел к столу.

– Ну?

– Я по поводу Коуллы. – Парис вздохнул. – Ведет себя адекватно, все по-прежнему. Я пришел к тебе с просьбой о переводе его в одиночный блок.

– Не рановато ли? – усомнился Копельман.

– Слушай, Дори, я, конечно, понимаю твои опасения, но какая разница, будет он сидеть в одиночке или занимать палату. И ладно бы это, так ведь охранники сидят в палате вместе с ним и мои ребята тоже вынуждены отвлекаться.

– Как это?

– Да играют они, в карты. Охранники уже по ползарплаты у моих выудили, не дело это, Дори.

Копельман вздохнул и мотнул головой.

– Как дети, ей-богу. Ладно, завтра с утра переведем. Иди, готовь документацию, прине-сешь, я завизирую. А я пока распоряжусь, чтобы одиночку подготовили.

– Вот и хорошо, – кивнул Парис, поднялся и собрался уходить.

– Боб, – окликнул его начальник. – А позови ко мне Алькина. Неофициально так. Скажи, пусть зайдет ко мне.

Через пятнадцать минут в кабинет начальника тюрьмы вошел Ганс Алькин.

– Сэр? Вызывали?

– Проходи, Ганс, – Копельман решил сразу расположить к себе сотрудника.

Алькин сел на то место, где до него сидел Парис.

– Пришел положительный отчет о проверке нашего заведения, и я хочу тебя, Ганс, поздравить. – Копельман выдвинул один из ящиков стола и достал пачку купюр. Он заранее ее приготовил, переложив из сейфа. – Вот, возьми, Ганс, ты это заслужил.

– Э-э-э... – Алькин был смущен и немного напуган.

– Бери, бери, Ганс. – Копельман подвинул пачку еще ближе. – Ничего, что я на «ты»?

– М-м-м... – мычал Алькин, но деньги все же взял, спрятав во внутренний карман пиджака. – Это лишнее, сэр.

– Нет-нет, любое дело, любая работа должны вознаграждаться. Мы ведь команда, не так ли, Ганс?

– Д-да, сэр, – кивнул Алькин.

– И если вдруг у нас произойдет какая-нибудь осечка, мы вместе все исправим. Так, Ганс?

– Да, сэр, – более утвердительно кивнул Алькин.

– Ну, вот и хорошо. – Копельман улыбнулся и сложил руки на столе. Алькин расценил это как конец разговора и поспешил встать.

– До свидания, сэр.

– Да, до свидания, Ганс.

Оба разговора в кабинете начальника тюрьмы в этот момент прослушивались. Энди Райбек получил записи буквально несколько минут спустя, ознакомился с ними и приказал собрать все данные на Ганса Алькина. В разговоре с начальником СВР, несколько дней назад, Райбек узнал, что компромат на Копельмана, в частности видеозаписи инцидента, делал лично Ганс Алькин, он же переслал оба варианта на имя начальника СВР. Следовало поближе познакомиться с этим человеком.

Уже на следующий день Райбек нанес визит Алькину. В своей манере.

Тот приехал домой, в свою квартиру, после смены, начал раздеваться в прихожей, но вдруг замер.

– Эй, кто там? – спросил он.

– Проходите, мистер Алькин, – отозвался Райбек, сидя на диване в гостиной. Они не видели друг друга, а Райбек улыбнулся, про себя отмечая, что Алькин каким-то образом понял, что в квартире кто-то есть.

Алькин, с испуганным лицом, босой, но еще не успевший снять плащ, прошел в гостиную.

– Вы кто? Что вам нужно в моей квартире? – Алькин быстро окинул взглядом гостиную. – И, вообще, как вы сюда попали?

– Меня зовут Энди Райбек, мистер Алькин. Вы должны были меня видеть, я был в составе комиссии по проверке вашей тюрьмы.

– Что вам нужно? – Алькин снял плащ и кинул на спинку одного из кресел. С лица исчез ложный испуг, выражение стало серьезным и сосредоточенным.

– Вопрос первый, зачем вы отослали два видеоотчета начальнику СВР?

– Это мой долг. Долг честного человека.

– Но деньги вы у Копельмана тем не менее взяли.

– Кто вы, мистер Райбек? – прищурившись, спросил Алькин. Он уселся напротив Райбека и сложил руки на груди.

– Вопрос второй, кто вы, мистер Алькин? – Райбек игнорировал вопрос Алькина.

Алькин усмехнулся и покачал головой.

– Райбек, это я посоветовал подключить вашу группу к делу. Это я выбрал связного.

– О-о! Самый верх, смею предположить? – удивленно спросил Райбек.

– Ну, не самый, но верх. Так что... Я занимаюсь своими делами, у меня своя цель, я агент под прикрытием. Но, раз уж вы сами пришли ко мне так скоро, скажу, что я разрабатываю тему медикаментов. В ближайшее время я собирался отправить вам материал по этому направлению. Чем занялись вы в первую очередь?

– Работаем по всем направлениям, – уклонился от точного ответа детектив. – Мне нужно подтверждение вашего статуса.

– А вот этого я вам не скажу. Одно то, что я передал вам пакет с компроматом, уже должно что-то значить. Связного тоже выбирал я. Довольны?

– Вполне, – Райбек встал и собрался уходить.

– Детектив Райбек, не расстраивайтесь, мы делаем одно дело.

– Да, точно, – Райбек кивнул и направился на выход.

Райбек не поехал на базу, но отдал приказ – во что бы то ни стало найти ему достоверную информацию о человеке, который работает в тюрьме под именем Алькин, и вызвал двух агентов, чтобы те взяли его под наблюдение.

– Хрен вам всем, господа агенты под прикрытием. Райбек или работает сам, или не работает совсем. – По мнению детектива, чем больше народа знало о деятельности его группы, тем хуже делалась работа.

У Райбека было свое начальство, сидящее на самом верху. Он тут же навестил непосредственного начальника, перед которым всегда отчитывался лично, известил о появлении непредвиденных обстоятельств.

– Некий агент под прикрытием, якобы разрабатывающий линию медикаментов. По его словам, он сам планировал все и вся, составлял предварительный план и оформлял заявку на нашу работу, сам подбирал связного. И связным оказался Тривс. Что-то слишком все закручено, сэр. Начальник СВР ходит связным у какого-то агента под прикрытием. Сэр, у меня пометка «два-два» по этому делу, как мне работать? Они с нами в одной упряжке, или мы делаем работу параллельно?

– Уберите этого агента, – чуть пошевелил пальцами руки босс Райбека. – Это коллеги из наркоконтроля его туда засунули. Надеюсь объяснять не нужно, что он там ищет?

– У «наркотов» полгода назад сменился босс, хотят прибрать к рукам хлебное место. – Райбек мгновенно сориентировался. – Лаборатория тюрьмы, плюс любые медикаменты с особой отметкой. Конечно, там и производить можно, да и просто списывать медикаменты.

– Именно. Когда он тебя приметил в тюрьме, решил слить немного информации, дабы заполучить расположение. Твой приход означает новый этап его работы, поэтому он подсуетился. Начальника СВР мы сегодня же отправим на пенсию. Хоть он и хороший служака, но лучше бы он занимался своими делами. А «наркоты» могут посчитаться за своего агента, будь осторожен. Они нам не конкуренты, но периодически мешают.

– Я понял, сэр. Разрешите звонок?

Босс кивнул Райбеку, тот ловко достал из кармана коммуникатор и, набрав комбинацию, через несколько секунд ожидания соединения сказал:

– Крота убрать немедленно.

После этого, убрав коммуникатор, Райбек вопросительно посмотрел на босса.

– Проработайте все направления, после этого накройте этот балаган. Не затягивайте. Если начнется давление со стороны отдела наркоконтроля, вызывай тяжелых, три дня назад мы получили карт-бланш от федералов. Что в общих чертах вырисовывается по делу?

– «Магнолия», сэр. Закроем вопрос по тюрьме, начну копать под эту шарашку. Мне нужно еще пару-тройку дней, чтобы выявить все контакты.

– Работай, – босс вновь едва шевельнул пальцами, Райбек кивнул и, встав, вышел из кабинета.

Он едва успел сесть в свой мобиль, как запиликал коммуникатор.

– Райбек!

– Крота слили, сэр, – последовал короткий отчет.

– Присмотрите за его норой еще сутки. Всех, кто сунется, идентифицировать, и отчеты мне на стол.

– Да, сэр, работаем.

8

Прошло три дня. Группа Райбека работала практически на износ все время расследования, и теперь настал последний момент, чтобы, как сказал детектив, «подбить бабки».

В кабинете Райбека собрались старшие отделов, началось совещание.

– Итак, что мы имеем на сегодняшний день? – спросил специальный детектив у своих подчиненных.

– Закрыли все ветки, сэр, – начал старший следователь. – Единственное, что осталось, так это «Магнолия».

– «Магнолия» на данный момент нас не интересует, что конкретно по тюрьме?

– Дело Каташи, сэр, – старший следователь передал пухлую папку Райбеку. – Естественно, все материалы скопированы на кристаллы памяти.

– Продолжайте.

– Асси Каташи, телохранитель, член семьи по крови Дайики Хаттори. Коротко могу сказать, что Каташи – ронин.

– Ронин? – переспросил Райбек.

– Воин, оставшийся без хозяина. Воин, потерявший своего хозяина. По сути, должен был совершить ритуальное самоубийство, потому что не смог защитить своего сюзерена. Но по каким-то причинам не смог этого сделать. Через полгода он совершил убийство сорока двух человек. Убивал мечом, что вообще поразительно. Его оппоненты были вооружены. Мы думаем, это была казнь тех, кто был повинен в смерти Хаттори. Но Каташи убивал лишь исполнителей, а вот до заказчиков так и не добрался. Когда его окружил спецназ, он попытался покончить с собой. Спасли, обезоружили, закрыли. С того самого момента Каташи вел себя как умалишенный. Он не реагировал на внешние раздражители, не разговаривал, часами сидел на одном месте с закрытыми глазами и раскачивался. Был осужден пожизненно и признан психически нездоровым, попал в «Грюнвальд». Сначала сидел в одиночке, но потом перевели в блок общего содержания. За весь срок его пребывания в тюрьме к нему наведалься лишь один человек, некто Кану Мацуко. Имеется запись их разговора. Вернее говорил лишь Мацуко. Мы выяснили, что Мацуко является поверенным в делах по внешним связям монастыря Худайбо Добон, на Ниппоне. Каташи некогда был там послушником, с пяти лет до двадцати одного года. Монастырь закрытый, но по слухам там воспитывают мальчиков, судьба которых predetermined уже с рождения.

– Служить и защищать, – вставил Райбек.

– Да, сэр. Запись разговора прилагается, как я уже заметил. Больше контактов с Каташи ни у кого не было. Теперь о Николасе Коулле. Родители погибли, когда Коуллу было четыре года. Нелепая случайность, подробности в отчете и к делу отношения не имеют. Коулл был взят на воспитание старшим братом отца, Андресом Коуллом. Андрес Коулл никогда не был женат, детей не имеет.

– Другая ориентация? – спросил Райбек.

– Сомневаюсь, сэр, ничто не указывает на это. Возможно, это просто личные установки. Так вот. Коулл воспитывался под опекуном Андреса Коулла, окончил школу, после чего поступил в технический колледж, который окончил с горем пополам. Судя по его аттестатам, желания учиться у него не было. Но зато активно занимался спортом, играл за команду школы и за команду колледжа в гравибол, нападающим. Был отмечен тренерами, и ему даже было рекомендовано заняться спортивной карьерой. Но по окончании колледжа завербовался в федеральную армию. Отслужил один обязательный контракт, после чего получил предложение пройти курсы по подготовке спецподразделений, после чего был направлен на службу в подразделение «Росомаха», базирующееся на Провиденсе. Два контракта, звание лейтенант,

двадцать восемь боевых операций, четыре ранения, имеет наградной список. Ценный боец, если судить по его досье. Но на последнем задании его пятерка попала под шквальный огонь и Коуллу досталось. Проникающее ранение в бедро и практически прямое попадание в голову. Пулю так и не смогли извлечь, но Коулл выжил, став буквально овощем. Он не мог говорить, едва двигался, хотя все осознавал. Заключение военных медиков и независимой медкомиссии в отчете. После ранения Коулла привезли домой, где он прожил два с небольшим года. На тот момент Андрес Коулл начал вести дела с группой компаний «Магнолия», пытаясь спасти от разрушения свой бизнес. В итоге ничего у него не получилось. Два инфаркта, затем смерть.

– Ближе к делу, – потребовал Райбек.

– Мы выяснили, что Андрес Коулл умер не своей смертью, но и Николас Коулл его не убивал. Старого Коулла медленно травили. Мы выявили обширный круг тех, кто в этом участвовал. Но, к сожалению, в живых на данный момент никого нет.

– Подчистили?

– Да, сэр, – утвердительно кивнул старший следователь. – Все причастные указаны в отчете.

– Что по звонкам по поводу Коулла?

– Один местный звонок поступил, как вы уже знаете, некоему Джиму Грановскому по кличке Бэнкс. Это бывший боксер-химик, десять лет выступал на ринге, в одном из боев получил тяжелые увечья, но Андрес Коулл буквально выкупил его у промоутера, подлечил, с тех пор Грановский стал работать у него телохранителем. Но удалось выяснить и вот еще что. Джим Грановский – сын Аманды Грановской, более известной как мадемуазель Ами, танцовщицы. Умерла от передозировки наркотиков. Джим вырос практически на улице, увлекся боксом, серьезно занимался, пока ему не предложили стать «химиком».

– Что в этом интересного для нас?

– Интересно то, сэр, что мы достали медицинские документы Грановского, выяснили, что он сын Андреса Коулла.

– Грехи молодости?

– Наверное, сэр, – пожал плечами следователь. – Но это объясняет тот факт, что Грановский был предан как пес Коуллу.

– А может, Грановский и был инициатором убийства Коулла? Мог он подкупить несколько людей и травить своего папашу, а потом свалить всю вину на Николаса? А уже потом подчистить за собой?

– Мог, сэр. Мы над этим тоже думали, все предпосылки есть. Тем более что все имущество компании «Коулл фармасьютикал» было завещано Николасу Коуллу. Грановскому по завещанию досталось четыре миллиона кредитов, квартира в Валлии и нежилое помещение, ранее использовавшееся как склад, в котором Грановский открыл спортзал. У него были все мотивы угробить папашу, но мы также выяснили, что Грановский был ознакомлен с завещанием в момент его написания и заверения. И вот что самое интересное, сэр. В случае смерти Коулла-старшего опекунство над его имуществом и Николасом Коуллом брала на себя группа компаний «Магнолия», в состав которой номинально вступила «Коулл фармасьютикал».

– То есть Коулла убрали, чтобы прибрать к рукам его компанию. И пока Ник Коулл невменяем, делами компании руководят люди из «Магнолии». А лучше бы он сидел в тюрьме и не отвечивал. Хороший ход.

– Да, сэр. Именно по этому поводу и был сделан второй звонок из тюрьмы. И владельцам «Магнолии» на руку, если Коулл будет сидеть как можно дольше.

– Что дальше?

– Третий звонок мы отследили, хотя и с трудом, сэр. Военная база Форт-Тревис, место дислокации спецподразделения «Росомаха». Звонок был сделан на личный коммуникатор майора Сазонова. Мы отработали по нему все, что было. В свое время Сазонов, еще будучи в

чине капитана, в сопровождении лейтенанта Стампа и медика-волонтера Брамса привез Ника Коулла домой. Сазонов приписан к внутренней службе безопасности и занимает должность агента по урегулированию конфликтов.

– Чистильщик, иными словами, – покивал Райбек. – Адвокат, убийца, вор и мошенник в одном лице, облеченный властью и одетый в военный мундир. Есть такие должности в спецвойсках. Что нарыли по нему?

– Ничего, сэр. – Старший следователь развел руками. – Вся информация о нем скрыта. Абсолютно вся.

– Так не бывает, – покачал головой Райбек. – Если человек существует, значит, есть у него прошлое. Ладно, это пока оставим, хотя сам факт связи начальника тюрьмы с чистильщиком уже интересен. Мог Коулл на службе накурлесить так, что его постоянно пасет чистильщик?

– Мог, сэр, но об этой информации у нас нет. И достать ее мы не можем, не наш уровень.

– Хорошо, что дальше? По Копельману все отработали?

– Да, сэр, – следователь подал Райбеку еще одну папку. – Медикаменты и связи с преступным миром мы связали в одно дело. В тюрьме фасуют и занимаются смешиванием компонентов для наркотических веществ. Также проверяют некоторые смеси на заключенных. Все исходники у нас есть, можем брать всю цепочку хоть сегодня, хотя это прерогатива отдела по борьбе с наркотиками.

– Что по Алькину? – Райбек посмотрел на старшего агента.

– К нему совались двое. Идентифицировали. Оба из «наркотов». Тело вывезли тихо и без шума. Но был еще и третий, сторонний наблюдатель. Пробили, оказался ищейкой из одной частной конторы, которую спонсирует...

– «Магнолия», – закончил за агента Райбек.

– Да, сэр.

– Везде всплывает эта «Магнолия»... – Райбек забарабанил пальцами по столу. – Но на данный момент нас интересует лишь тюрьма. Итак, давайте-ка разработаем план действий и наконец накроем этот крысятник медным тазом.

9

Наступил день, когда Райбек дал отмашку на начало операции. К делу были приобщены два взвода тяжелых пехотинцев из спецподразделения полиции.

Копельман был не очень удивлен, когда в тюрьме начались аресты. Но он быстро пришел в себя и даже пытался угрожать Райбеку своими связями на самом верху. Вот этого ему делать не стоило точно, потому что, когда его вели к эвакуационному боту, двое пехотинцев немного поотстали, а потом один из них выкрикнул:

– Попытка к бегству! – И выпустил короткую очередь в спину Копельману.

Райбек в этот момент наблюдал за этой сценой из кабинета начальника тюрьмы. Его люди в этот момент отключили все внешние видеокамеры. Едва эвакуационный бот был полностью загружен арестованными, в салон забрался Райбек.

– Мне жаль, что мистер Копельман покинул нас в столь неудобный момент, а ведь у него был шанс на хорошие отношения с нами. Но он предпочел угрожать нам. Надеюсь, всем понятен смысл моих слов? – Райбек окинул взглядом всех арестованных и хищно оскалился. – Сейчас вас отвезут в наш следственный отдел и начнут допрашивать. Советую говорить искренне и честно, иначе... сами понимаете, попытка к побегу у нас пресекается немедленно.

Бот улетел, а Райбек вернулся в кабинет начальника тюрьмы. Обязанности охраны сейчас выполняли бойцы спецподразделения, загнав всех заключенных по камерам.

– Временный исполняющий обязанности начальника тюрьмы уже выехал, сэр, – сообщил Райбеку один из связистов. – К вечеру будут сформированы три смены охраны и временный штат медиков.

– Ну и отлично. Личное дело Николаса Коулл принесли? Хорошо. Распорядитесь привести Коулл сюда.

Приказы Райбека исполнялись быстро. Через пятнадцать минут Ник Коулл уже находился в кабинете начальника, за рабочим столом которого сейчас сидел Райбек. Специальный детектив несколько минут смотрел на смирно сидящего Коулл, сложившего руки в наручниках на коленях.

– Ну, что, сынок, последние часы ты здесь, – не особо надеясь на отклик, сказал Райбек, потом жестом подозвал к себе одного из помощников. – Свяжитесь с Джимом Грановским, известите его о том, что мистер Коулл выходит на свободу. Думаю, он заберет его. Ну, а если вдруг не заберет, то доставьте его в реабилитационный центр «Дьюринс».

– Да, сэр, – помощник кивнул и тут же выскочил из кабинета, на ходу доставая коммуникатор.

Вскоре прибыл временно исполняющий обязанности начальника тюрьмы-клиники «Грюнвальд», Деннис Вульф. Райбек передал ему все полномочия.

– К вечеру здесь уже будут штатные охранники, мистер Вульф. Как только они заступят на смену, отпускайте «тяжелых». Некоторую документацию из сейфов мы изъяли, оружейную комнату описали, но опечатывать не стали. Так что принимайте командование. Надеюсь, все будет гладко и вскоре вас утвердят на постоянной должности.

– Спасибо, детектив Райбек, – Вульф протянул руку. – Я наведу тут порядок, не беспокойтесь.

– Не сомневаюсь, – Райбек ответил на рукопожатие. – И вот вам первое предписание об освобождении осужденного. Все документы в порядке, суд рассмотрел все и выдал постановление об освобождении. Николас Коулл, обвиненный в убийстве пять лет назад, получивший срок в семь лет. За ним должен будет приехать один тип. Если вдруг не придет, то мои люди отвезут его в город. На этом всё. Да, еще, здесь пару дней будут работать несколько моих специалистов, прошу не мешать и оказывать всяческое содействие.

– Да, конечно, детектив, нет проблем.

На этом они распрощались, Райбек спустился во внутренний двор, где к нему подошел один из помощников.

– Сэр, за Коуллом едет Грановский, с этим вопрос решен.

– Хорошо, оставьте здесь кого-нибудь, пусть проконтролируют этот момент.

Райбек сел в свой мобиль и через пару минут покинул территорию тюрьмы. Выхав за ворота, он набрал на коммуникаторе номер.

– За Коуллом нужно поставить ноги, – сказал он. – Да, где-то через час-полтора его выпустят из «Грюнвальда», за ним приедет Джим Грановский.

Видимо, ответ удовлетворил Райбека, и он отключил связь, обратив внимание на дорогу. Теперь следовало начинать думать о деле «Магнолии».

В тот момент, когда специальный детектив Райбек ехал прочь от тюрьмы «Грюнвальд», Ник Коулл сидел в просторном зале ожидания освобождения. У двери стоял боец спецподразделения с отсутствующим взглядом, но нет-нет поглядывал на него.

Перед Ником лежала стопка гражданской одежды. Той самой, в которой его привезли сюда. Но Ник не притрагивался к ней, хотя те двое, что привели его сюда, сказали, что он должен переодеться.

«Куда теперь? Мне что же, можно уйти отсюда? А куда?»

Он бы так и сидел, если бы в зал не вошел один из тех агентов, что привел его сюда. Он в удивлении замер на секунду, потом посмотрел на бойца-охранника, а тот лишь пожал плечами.

– Мистер Коулл, вам следует переодеться, за вами уже едут, – обратился к Нику вошедший.

Ник посмотрел на него, повернув голову, и вдруг спросил:

– А куда мне идти?

– На свободу, мистер Коулл, – развел руками агент и улыбнулся. – Вы оправданы и теперь свободны. На выходе получите документы об освобождении и заявку на компенсацию за проведенное здесь время, за ошибки следствия и прочие неудобства.

– Здесь это где? – Ник смотрел на агента не отрываясь, и улыбка с лица того медленно сползла.

– Мистер Коулл, вы пять лет просидели в тюрьме. Вы это осознаете?

Ник смотрел не моргая, а потом отвел взгляд и покосился на одежду, покивал.

– Да, да... Тюрьма. Теперь понятно, почему тут везде решетки и люди с дубинками. Спасибо. – Ник вновь посмотрел на агента. – Но куда мне идти?

– За вами едет один человек, Джим Грановский. Он вам все объяснит.

– Я понял. А кто он?

– Он друг вашего дяди, – агент вздохнул, он уже начал терять терпение. – Вы переоденьтесь, мистер Коулл, а у меня еще дела.

Ник покивал и взял в руки аккуратно сложенную тканевую куртку, расправил ее, поднял на вытянутых руках. Агент удалился, оставив его, а охранник стал чаще поглядывать на Ника, наблюдая, как тот перекладывает вещи, рассматривает их, будто видит впервые в жизни.

Так продолжалось до тех пор, пока в зал не вошел двухметровый Джим Грановский в сопровождении агента.

Верзила прошел к Коуллу, обнял его, встряхнул.

– Ты как, Ник?

– Ты кто? – спросил Ник.

– Я Бэнкс, помнишь? Я телохранитель твоего дяди Андреса.

– Дядя Андрес? – Ник посмотрел в глаза Бэнкса, потом перевел взгляд на агента. – А где он?

– Давай-ка, парень, я помогу тебе переодеться, и поедем домой, я все тебе расскажу. – Бэнкс взял из вороха вещей брюки. – Давай, скидывай с себя эту робу, Ники.

Бэнкс помог переодеться Нику, и они, получив на выходе документы об освобождении, покинули здание тюрьмы-клиники, а еще через десять минут, усевшись в спортивный мобиль, выехали прочь.

«Брадоул» Бэнкса, выбравшись с прилегающей дороги, быстро набрал разрешенные две-сти миль в час, заняв крайний левый ряд двадцатирядного шоссе.

– Тот человек сказал, что за мной приедет Джим Грановский. Кто это? – спросил Ник, неотрывно глядя в боковое стекло.

– Я и есть Джим Грановский, Ник. Это мое имя. А Бэнкс – это просто кличка, но я к ней привык как к родному имени. Да и большинство людей знает меня как Бэнкса.

– А где дядя Андрес?

– Приедем домой, я все расскажу.

– Почему я был в тюрьме, Бэнкс?

– Ты ничего не помнишь? – Бэнкс повернулся к Нику.

– Я помню, как старик мне сказал, что мне нужно уходить. И ему тоже нужно уходить. А потом он вскрыл себе горло.

– Какой старик, Ник?

– Старик, ниппонец. Он со мной все время разговаривал, рассказывал про мир, который нас окружает. Про людей рассказывал. Он рассказывал, что никто и никогда не может нас убить до конца, закрыть в клетке. Мы все свободны и при желании можем идти туда, куда нам хочется. Только не сказал, куда идти.

– А-а, этот... – Бэнкс покивал, он был в курсе, с кем сидел в одной камере Ник и что произошло. – Ну, ты не расстраивайся, придешь в себя, поймешь, куда нужно идти. То, что ты говоришь, уже многое значит.

– Да, старик меня научил говорить, – Ник продолжал смотреть в окно на проносящиеся пейзажи.

10

Ник стоял посреди большой гостиной и рассматривал обстановку. Ему казалось, что он впервые видит подобное, зал ожидания освобождения не в счет, общий зал в тюрьме не в счет. Там все было по-другому. А Бэнкс стоял в проеме арки, за которой находилась кухня, и наблюдал за Ником. Это длилось, наверное, минут двадцать, Коулл медленно поворачивался, рассматривая все, потом подошел к одной из стен и стал рассматривать голографии, на которых Бэнкс был много моложе, в боксерских трусах, с голым торсом, в руках чемпионские пояса, или моменты боя.

– Что это? – спросил Ник, указывая на одну из голографий.

– Бой за звание чемпиона материка, – Бэнкс подошел ближе. – Мы тогда месились десять раундов с переменным успехом. Противником был Чака, на тот момент действующий чемпион. Но в одиннадцатом раунде, на третьей минуте я его свалил прямым в голову. С тех пор Чака больше в боях не участвовал. Жаль, хороший был боец.

– Он умер? – спросил Ник и посмотрел на Бэнкса.

– Нет, он и сейчас жив. Просто ушел из большого спорта. – Бэнкс, конечно, слукавил. В тот памятный день он едва не отправил Чаку на тот свет. После боя свергнутый чемпион полгода провел в клинике, восстанавливая здоровье, а потом, получив пенсию от спортивного комитета, продолжил свою жизнь в пригороде, в пансионе инвалидов с полным содержанием. Увы, издержки жизни бойцов-«химиков», мало кто оставался здоровым.

– А это? – Ник ткнул в другую голографию, на которой был запечатлен момент, где Бэнкс получает сокрушительный удар в челюсть.

– А это мой последний бой. Я четыре раза подтверждал звание чемпиона материка, дважды чемпиона планеты. Но в тот раз мне не повезло. Против меня выставили Тимми Рэзвора, который приехал с Лигеи, получил официальное гражданство и подал заявку на участие в чемпионате. Прошел все бои, и в финале мы с ним схлестнулись не на шутку. После этого боя Тимми стали называть Катком. Тимми Каток. Но после этого он уехал и принимал участие в каком-то региональном чемпионате, и там его убили.

– Как?

– Какой-то промоутер выставил на бои невероятно способного и сильного бойца, он почти все свои бои заканчивал смертью противника. Его звали Убийца Чемпионов. Ну, там мутная история, как-нибудь расскажу. Пойдем на кухню, поможешь мне приготовить ужин.

– Пошли, – кивнул Ник, ужин он еще никогда не готовил.

Следующий час оба были заняты тем, что нарезали, шинковали, чистили, варили и жарили. Бэнкс показывал, что и как делать, Ник схватывал на лету, особенно хорошо у него получалось шинковать. Лук, морковь, зелень... Он делал это виртуозно, будто всю прошлую жизнь работал поваром в элитном ресторане, где процесс приготовления блюд никогда не доверяли машинам и автоматам.

Бэнкс наблюдал с легкой улыбкой на губах, ободрял, подсказывал, помогал. Ник так увлекся готовкой, и даже немного расстроился, что все закончилось так быстро.

Потом был ужин на двоих. Бэнкс накрыл стол в гостиной, усадил Ника.

– Сейчас поужинаем, потом посмотрим кино.

– Кино?

– Ну да, – покивал Бэнкс. – Познавательное кино.

Кино оказалось и впрямь познавательным, на огромном экране теле демонстрировалась запись, набранная из множества сюжетов. Ник сначала смотрел как-то без интереса, а потом вытянул палец и сказал:

– Это я!

– Это ты, Ник. – Бэнкс убавил звук и подсел ближе к Нику. – Когда тебя привезли из госпиталя, твой дядя приказал периодически делать видеозаписи. Я тогда не слишком хорошо разбирался во всех этих гаджетах, но постепенно поднаторел. Два с лишним года практически не выпускал камеру из рук. При любой возможности снимал тебя. О, смотри, а вот и дядя Андрес!

Весь вечер Бэнкс рассказывал Нику историю его жизни. Особенное внимание он уделил тому фрагменту, когда Ник вернулся домой после ранения. Сам бы он, конечно же, никогда не догадался, что и как нужно делать, что говорить. Но с полгода назад он проконсультировался с одним психологом, и тот посоветовал, что делать.

Время уже было позднее, Бэнкс выключил теле и повел Ника в одну из комнат.

– Вот, это будет твоя комната, располагайся. Ванная и туалет ты уже знаешь где, кухня тоже. Моя комната вон там. Давай, сходи, прими душ и укладывайся спать, на завтра у нас с тобой запланировано много дел.

– Кровать большая, – сказал Ник. – Ты закроешь дверь?

– Нет, конечно же. Зачем?

– В тюрьме всегда закрывали.

– Ты дома, Ник, – успокоил Коулл Бэнкс. – Здесь никто тебя закрывать не будет. Хочешь, спи с открытой дверью, хочешь, прикрой. Можешь даже свет не выключать. Забудь про тюрьму, ты дома.

Ник принял душ, вытерся огромным полотенцем, прошел в свою комнату, уселся на кровать, подбрав ноги, прикрыл глаза.

«Может, не нужно никуда идти? Может, я уже пришел? Домой. Бэнкс добрый, но очень похож на охранника. Старик, как же мне тебя не хватает! Нужно идти или я уже пришел?!»

Через полчаса Ник уже лежал в постели, укрывшись одеялом по самый подбородок. Он не стал отключать ночник, так было привычнее, в камерах никогда не отключали свет полностью. Хотя дверь оставил открытой нараспашку. Он просто лежал и пялился в потолок, пока не уснул. Он всегда так делал, в тюрьме.

Утром Ник проснулся сам, а не от шума открываемой железной двери и решетки. Он приподнялся на локтях и осмотрелся, сначала не поняв, где он. Наконец вспомнил, что вчера его из тюрьмы забрал Бэнкс и они у него дома. В этот момент он уловил приятный запах и вспомнил, как они с Бэнксом готовили вечером.

– Бэнкс! – позвал Ник.

Послышались шаркающие шаги, в проеме двери появился Бэнкс в кухонном фартуке с деревянной лопаткой в руке.

– Проснулся? Здоров же ты спать! Давай быстро в душ и к столу. У нас еще куча дел.

На завтрак Бэнкс приготовил яичницу с беконом и зеленью, приправленную самодельным майонским соусом, оладьи с яблочным джемом и кофе. Ник с удовольствием съел все, что положил ему Бэнкс, выпил большую кружку кофе – Бэнкс не признавал мелкие чашки.

После этого, одевшись, оба покинули квартиру и спустились на парковочный этаж, к мобиле.

– Первым делом едем в магазин, Ник. Нужно тебя приодеть.

Покружив по городу, Бэнкс припарковался у огромного здания, этажи которого уносились вверх. Первые десять этажей занимал гипермаркет, где можно было купить все, от простого стилуса до гравибайка или небольшого прогулочного катера, включая продукты, одежду, бытовую технику, обстановку для квартиры и прочие прелести жизни.

Они поднялись на четвертый этаж и прошли в отдел одежды. Бэнкс повел Ника мимо рядов стеллажей с брюками, рубашками, нижним бельем. На вопрос Ника, почему они ничего не выбирают, Бэнкс ответил, что им нужен отдел четыре звездочки, а это отделы в одну или две

звезды. Что это значило, Коулл не понял, но переспрашивать не стал, послушно идя следом за Бэнксом.

Наконец они добрались до нужного отдела, где к ним тут же поспешила девушка-консультант. Бэнкс быстро перечислил все, что ему хотелось бы купить для Ника, и она убежала выполнять заказ, а покупателям предложила подождать несколько минут в мягких креслах.

Вскоре девушка привезла заказы, проводила Ника к примерочной кабинке, где с его разрешения стала помогать ему примерять одежду. Процесс продолжался примерно часа полтора, в итоге Ник Коулл был полностью переодет, его старая одежда отправилась в утилизатор. Вдобавок ко всему было куплено полтора десятка трусов, два десятка пар носков, рубашки, трое разных брюк, спортивный костюм, пара свитеров, несколько толстовок, шесть пар обуви, на этом настоял Бэнкс, деловой костюм, пара курток, плащ и еще некоторые мелочи.

– Доставьте все это вот по этому адресу, – попросил Бэнкс, расплачиваясь. Он написал адрес на бланке доставки. – Пусть оставят у консьержа, мы потом заберем.

После этого Бэнкс потащил Ника в другой отдел, где продавались спортивный инвентарь и специализированная спортивная одежда. Там для Ника были куплены пара комплектов спортивной одежды для зала, боксерские перчатки-накладки, обувь, перчатки для занятий на тренажерах. Потом они прошли в еще один отдел, где были куплены полотенца, гели для душа, зубные щетки, активный гель и стило для бритья, прочие мелочи для гигиены. Все это также было оплачено и отправлено в отдел доставки.

– Ник, если что-то забыли, потом докупим или просто закажем в сети. Тебя все устраивает?

– Очень много всего, – помотал головой Ник.

– Много? – удивился Бэнкс, но потом спохватился и похлопал Коулла по плечу. – Много не мало, переодевайся каждый день в новое, живи свободно.

– Старик тоже говорил, что нужно жить свободно, – пробормотал Ник.

11

После посещения гипермаркета Бэнкс повез Ника к «себе на работу», как он выразился. Работой Бэнкса было содержание и управление универсальным спортивным залом, занимавшим огромное помещение в районе Виндорф. Бывший боец-«химик» воплотил свою давнюю мечту, дал возможность людям за небольшую плату заниматься спортом.

В спортзале имелось несколько специализированных залов, где занимались и боксеры и тяжелоатлеты, был зал, оборудованный для занятий скалолазанием, бассейн для обучения основам дайвинга, кардиозона, зал спортивных танцев, зал для обучения основам гравитбола.

Бэнкс въехал на территорию своего заведения, припарковался на своем личном месте, встречать его вышел помощник-управляющий, кражистый, небольшого роста, уже немолодой человек с абсолютно лысой головой.

– Как дела, Оливер? – осведомился Бэнкс, вылезая из мобиля.

– Все в порядке, босс, – Оливер поднял руку в приветствии. – Кто это с тобой?

– Это Ник, – Бэнкс представил Коуллу. – Ник, это Оливер, он мой непосредственный заместитель. Познакомьтесь.

Ник и Оливер обменялись рукопожатиями, после чего все трое прошли в здание. Попетляв по коридорам, они пришли в офис, где Бэнкс некоторое время уделил делам, подписав счета, сделал некоторые распоряжения.

– Пошли, Ник, я покажу тебе свои владения. Небольшая экскурсия, так сказать. С завтрашнего дня начнешь понемногу заниматься спортом, а то одряхлел ты в этой тюрьме.

– Что нужно делать? – поинтересовался Ник.

– Побегаешь на беговых дорожках, немного потаскаешь железо, поколотишь грушу, поплаваешь. А там посмотрим, что тебе больше всего понравится. Спорт штука хорошая, всегда в тонусе держит, да и мозги прочищает. Считай, что это такой курс реабилитации.

– Ну, хорошо, – согласился Коулл.

Им понадобился целый час на то, чтобы обойти весь спортивный комплекс, а по-другому и не назовешь, хотя Бэнкс настаивал на просто «спортзале». Они переходили из зала в зал, Бэнкс показывал и рассказывал, знакомил с инструкторами. Нику в зале понравилось, и он даже попробовал себя на одном из тренажеров, с минимальным весом.

– Мне нравится, – сказал он, когда они с Бэнксом вернулись в офис.

– Вот и ладненько. И я тут рядом буду постоянно, и ты при деле. Я выделю тебе комнату, где ты будешь переодеваться и принимать душ, по сути это моя личная комната отдыха, теперь и твоя будет. Вечером соберем необходимые вещи для занятий, а уже завтра приступишь. Договорились?

– Да. – Ник кивнул.

– Ну, а сейчас у нас с тобой обед, потом небольшая экскурсия по городу и поездка на побережье. Культурная программа, так сказать. Готов?

– Да.

От полудня до вечера они катались по городу, Бэнкс показывал достопримечательности. Обедали в небольшом уютном ресторанчике. К вечеру приехали на побережье, где провели около часа, наблюдая, как снуют скоростные катера и лодки под парусами. Бэнкс неустанно все показывал и рассказывал, объяснял, отвечал на вопросы Ника. Потом они поехали домой, где опять вместе готовили ужин, а после разбирали сделанные утром покупки.

На следующее утро они отправились в спортзал. Отдав Ника одному из инструкторов, Бэнкс занялся своими делами и обещал присоединиться позже.

Инструктор первым делом повел Ника в зал для кардиотренировок.

– Для начала я посмотрю на ваши возможности. Бег, сайкл, общая физическая подготовка, составлю предварительный план тренировок. Годится?

– Наверное, – пожал плечами Ник. – Я в этом ничего не понимаю.

Ник провел в зале около двух часов. После этой, казалось бы, легкой тренировки, где он просто показывал, на что способен его организм, его шатало. Бэнкс улыбался и похлопывал по плечу.

– Ничего, нормально. Завтра в бассейн, там немного поплаваешь.

И действительно, на следующий день у Ника были занятия в бассейне. Боль в мышцах, от которой он едва утром встал, буквально улетучилась.

А потом дни замелькали один за другим. Ник втянулся в тренировки, понемногу восстанавливая свой одряхлевший организм. В теле появилась какая-то легкость, а крепатура по утрам уже не беспокоила.

Через две недели Ник уже спокойно пробегал по две мили на беговой дорожке, проходил все тренажеры кардиозоны. В бассейне уверенно плавал и даже испытывал некоторое наслаждение от этого.

Месяц спустя Бэнкс порекомендовал Нику добавить к тренировкам посещение боксерского зала.

– Ты просто иди туда, поработай с грушей. Ну, как умеешь. – Бэнкс улыбался.

И Ник пошел в боксерский зал. Он прихватил с собой накладки, выбрал себе одну из груш и, наблюдая, как обрабатывают свои снаряды занимающиеся в зале, попробовал сначала имитировать и подражать. Своими действиями он привлек внимание одного из инструкторов, который подошел ближе и некоторое время наблюдал за потугами Ника.

– Вы уже занимались раньше боксом? – спросил он Ника, когда тот остановился отдышаться и вытереть пот полотенцем.

– Нет, – ответил тот, помотав головой.

– А впечатление такое, что у вас хорошо отработанные связки.

– Я просто смотрю, как делают другие, повторяю... – Ник растерялся.

– И у вас отлично получается! Вы точно нигде не занимались раньше?

– Нет.

В этот момент в зале появился Бэнкс. Он переоделся для занятий, в руке нес накладки. Многие его приветствовали, поднимая руки, здоровались.

– Ну, что тут у нас? – спросил он, подходя к Нику. – Как груша? Еще не порвал?

– Босс, у него отлично получается, – сказал инструктор. – Сами поработаете, или мне отдадите?

– Сам, пока сам, – ответил Бэнкс, натягивая накладки. – А там посмотрим. Ну-ка, Ники, работаем на пару. Я с одной стороны грушу обрабатываю, ты с другой. Старайся делать то же самое, что и я. Это называется зеркальное отражение. Ну, поехали.

Еще два месяца Ник с удовольствием посещал спортзал, Бэнкс составил ему программу, по которой тот усердно занимался. В один из дней Ник попробовал себя в скалолазании. Инструктор, наблюдавший за его перемещениями по вертикальной стенке – скалодроме, оборудованной зацепами и промежуточными точками опоры – болтами, качал головой, а когда на Ника пришел посмотреть Бэнкс, инструктор высказал следующее:

– У него определенно есть навык, доведенный до автоматизма. Он явно не новичок. Уверенно идет по трассе, не отвлекается на поиски зацепов и болтов. У меня такое ощущение, что он уже занимался этим в прошлом. Для новичка он уж очень бодро прошел три первые трассы.

– У него был опыт, – согласился Бэнкс. – Просто он не помнит. Не говорите ему ничего, просто позанимайтесь с ним. Ему это нравится.

Еще через некоторое время Ник удивил и инструктора в боксерском зале. Работая на скорость на подвижном манекене-автомате, Ник вдруг начал наносить удары ногами, когда

манекен пытался разорвать дистанцию. А в конце попытался взять одну из «рук» манекена в болевой захват. Инструктор поделился этим наблюдением с Бэнксом, и тот перевел Ника в зал смешанных единоборств.

Пока Ник занимался в спортзале, Бэнкс навестил психолога, к которому ранее обращался за консультациями, обрисовал ситуацию, рассказал о том, как ведет себя Ник, о его успехах.

– Все идет своим чередом, – успокоил Бэнкса психолог. – Его организм вспоминает все, что знал до потери памяти. Ведь, как вы знаете, есть сознание и подсознание, есть память умственная и память тела. Есть мозг головной, а есть спинной. Сейчас у Ника просыпается память внутренняя, тело вспоминает все, что было изучено и доведено до автоматизма.

– А память, ну, которая... Ну вы понимаете, она вернется?

– Обязательно, – кивнул психолог. – Она может вернуться внезапно, в какой-то момент, а может возвращаться постепенно. Наблюдайте за ним, побольше рассказывайте о его прошлом, возможно, что-то в какой-то момент послужит зацепкой, крючком, который потянет за собой остальное.

В один из дней Ник обратился к Бэнксу с просьбой:

– Слушай, я по два часа в день тренируюсь, потом просто просиживаю в офисе и смотрю теле, или мы с тобой куда-нибудь ездим. Я хочу какую-нибудь работу.

– Да? – удивился Бэнкс. – И что же ты хочешь делать?

– Я хочу быть уборщиком, – заявил Ник.

– Э-э-э... Ник, понимаешь, какое дело, – Бэнкс в спешке придумывал повод для отказа. – У нас укомплектован штат уборщиков.

Весь разговор происходил в присутствии Оливера. Бэнкс посмотрел на него, ища поддержки.

– Ну, это правда, у нас нет мест, босс, – кивнул тот. – Но я знаю, где есть место. В кафе «История», прямо напротив нас, через дорогу.

– Да-а? – протянул Бэнкс. По его мнению, Нику не было нужды работать. – И кто же им там требуется?

– Разнорабочий, – выдал Оливер.

– Подойдет, – кивнул Ник и посмотрел на Бэнкса. – Ты сходишь со мной?

Бэнкс вздохнул и махнул рукой.

– Иди пока к себе, я сейчас позвоню в это кафе и уточню. Иди, Ник.

Отослав Коулла, Бэнкс набрал номер психолога и рассказал ему о желании Ника работать.

– Так это же прекрасно! – воскликнул тот. – Конечно же! Не препятствуйте, пусть работает, это только поможет его реабилитации.

Бэнкс нашел в справочнике номер коммуникатора кафе, созвонился с управляющим, тот подтвердил, что требуется человек для работы.

– Зарплата у нас небольшая, но двухразовое питание гарантирую. Работа не грязная, но и сидеть не придется. Если все устраивает, милости просим.

Бэнкс не стал оттягивать момент, и они с Ником отправились через улицу, в кафе «История». Управляющий вышел к ним тут же, Бэнкс представил Ника. Управляющий показал фронт работы, объяснил обязанности.

– Если все устраивает, пройдемте ко мне в офис, подпишем пару бумажек, и завтра можете выходить на работу.

Со следующего дня Ник стал работать в кафе. Он честно отработывал девятичасовую смену, вечером шел к Бэнксу в спортзал, а потом они ехали домой.

– Ну и как, нравится тебе работать в кафе? – интересовался Бэнкс.

– Да, – кивал Ник. – Еще я тут выиграл спор.

– Какой же?

– В перерывах мы сидим на заднем дворе, и парни, ну, которые тоже выходят перекуривать, иной раз на спор кидают ножи в деревянный щит. Кто попадет в «яблочко», выигрывает. Ставки по кредиту-два. Некоторые, бывает, вообще не попадают в щит, или нож не втыкается.

– А ты, значит, всех уделал?

– Да. Пять подходов, пять раз в «яблочко». На спор кидали четверо, ставка по кредиту была каждый раз. – Ник вытащил из кармана мятые купюры. – Вот, двадцать кредитов.

– Ник, завязывай с этим, – Бэнкс посмотрел на купюры. – Не кидай на спор. А деньги потратить, угости парней пивом после смены.

– Почему не кидать? – не понял Коулл.

– Если ты постоянно будешь выигрывать спор, на тебя начнут коситься. Выскочек не любят. Не наживай себе врагов. А вот если простишься на выигранные деньги, поднимешь свой авторитет.

– Но мне нравится метать ножи!

– Я поставлю для тебя специальный щит в спортзале, там и будешь кидать и метать ножи.

Договорились?

– Договорились, – кивнул Ник.

На следующий день он уже не участвовал в спорах, а после смены, как и наставлял его Бэнкс, предложил парням выпивку за свой счет. Никто не отказался, а дальнейшее время показало, что Бэнкс был прав, авторитет Ника, как своего парня, возрос.

12

В один из дней, прервав рутинную работу, специальный агент Райбек нанес внезапный визит в головной офис группы компаний «Магнолия». Он просто приехал в офис, оставив свой мобиль на общественной парковке, прошел к рецепции, где сидели несколько девушек, и попросил устроить встречу с Эдвардом Мэйсоном и Джейком Уорингтоном – владельцами «Магнолии».

Естественно, что ему отказали, сославшись на занятость боссов и необходимость предварительной записи за недели вперед. Но Райбек оставил на стойке рецепции свою официальную визитку и попросил просто сообщить о его визите, сам же отошел к диванчикам, в зоне ожидания.

Ждать пришлось недолго, всего минут десять. К Райбеку подошел один из сотрудников внутренней охраны и попросил пройти с ним.

– У вас имеется при себе оружие, детектив? – спросил охранник, ведя Райбека к лифтам.

– Я официальный представитель закона, уважаемый, – ответил Райбек. – Если у тебя вдруг возникнет желание изъять у меня оружие, ты получишь пулю без разъяснений. И да, специальный детектив, пожалуйста.

Охранник молча проглотил все, что сказал ему Райбек, они поднялись на лифте на нужный этаж, далее прошли по коридорам к апартаментам, которые занимали боссы «Магнолии».

– Проходите, – охранник приоткрыл дверь и пропустил Райбека в огромный кабинет. Т-образный стол для совещаний, вдоль стен сплошные шкафы и стеллажи, декоративные пальмы в кадках по углам, несколько экранов теле и два человека в торце большого стола.

Охранник тут же вышел, прикрыв за собой дверь, а Райбек прошел ближе к столу.

– Добрый день, господа, – поздоровался он.

– Добрый, добрый, – покивал Уорингтон и встал первым, пошел навстречу с протянутой для рукопожатия рукой. Это был сухошавый, среднего роста человек, с маленькими глазками, тонкими нервными губами и каким-то крысиным выражением лица.

– Здравствуйте, детектив Райбек, – Мэйсон тоже встал, но двинулся вперед не так резво, как его коллега. Компаньон Уорингтона был полной его противоположностью. Грузный, широкоплечий, мясистое лицо, слегка выпученные глаза, нижняя губа немного оттопырена, от чего казалось, что он всегда чему-то удивлен. На указательном пальце правой руки Мэйсон носил большой перстень с красным рубином в витиеватой оправе.

Они обменялись рукопожатиями, Райбеку предложили присесть. Едва формальности были соблюдены, Уорингтон сразу перешел к делу.

– Что привело вас к нам, детектив Райбек? Неужели ваш отдел заинтересовался нашей компанией?

– Да, заинтересовался, – Райбек кивнул. – Имеется несколько щекотливых моментов, которые мне хотелось бы прояснить.

Уорингтон и Мэйсон переглянулись. Ситуация им была знакома, всегда находился какой-нибудь резвый малый, который находил щекотливые моменты, потом приходил к ним и выкладывал компромат. В итоге он либо получал нечто вещественное, после чего закрывал глаза на эти самые моменты, либо навсегда пропадал. Сейчас была как раз такая ситуация, и боссы «Магнолии» ждали развития. Сколько же запросит этот Райбек, этот зубастый детектив за свои «моменты».

– Я знаю, о чем вы сейчас подумали, господа, – усмехнулся Райбек. – Пришел жадный коп, накопивший компромата, и сейчас начнется деловой разговор. Запросит реальную сумму, заплатим, запросит много или будет угрожать – пустим в расход.

– Ну, что вы, детектив Райбек, – развел руками Уорингтон, – даже и в мыслях не было!

– И это хорошо, господа. – Райбек положил на стол кристалл памяти. – Вот здесь все ваши косяки, господа. Вернее сказать все, что мы смогли на вас нарыть. Мое предложение такое. Вы исправляете ситуацию и продолжаете жить, как и прежде, занимаясь бизнесом, а моя группа теряет к вам интерес. Замечу, что это не моя инициатива, я в этом деле лишь посредник. Мое начальство посчитало, что будет нехорошо для экономики планеты, региона и города в частности, если вас начнут третировать и обвинять в чем-то. Это вредит бизнесу. Ваша группа компаний приносит хороший доход в виде налогов в казну планеты, поэтому вам дается шанс все утрясти по-тихому. Тут нет немыслимых требований, просто рекомендации. Просто исправьте некоторые моменты, и все. Вы при этом ничего не потеряете в финансовом плане, как мне кажется, и репутация не пострадает.

– Но это наверняка не все? – поинтересовался Уорингтон.

– Нет, не все. – Райбек улыбнулся вновь. – Моя группа продолжает искать заказчиков некоторых убийств. Хоть исполнители и устроители их уже мертвы, но есть некоторые факты, указывающие, замечу – косвенно, на вас. Оговорюсь, не лично на вас, мистер Уорингтон, или на вашего компаньона мистера Мэйсона, но тем не менее.

Уорингтон и Мэйсон вновь переглянулись.

– И вновь вы не правы, господа. Мне ничего не надо от вас, и я не шантажирую вас, а просто ставлю в известность. – Улыбка не сходила с лица Райбека.

– Но я могу официально заявить, что мы с мистером Мэйсоном не замешаны ни в каких темных делах. У нас честный бизнес. – Уорингтон встал, давая понять Райбеку, что их разговор окончен. Райбек тоже встал, кивнул.

– И все же, господа, мы с вами поняли друг друга. – Детектив еще раз кивнул и, повернувшись, зашагал на выход.

Едва он покинул кабинет, все тот же охранник, что и привел его сюда, пошел следом.

Некоторое время Уорингтон и Мэйсон сидели молча, переваривая разговор с детективом Райбеком.

– Посмотрим, что там на этом кристалле? – наконец, нарушив тишину, спросил Мэйсон.

– Для начала вызови сюда техников из отдела безопасности, пусть все проверят, – Уорингтон неопределенно поводит рукой. – Этот Райбек та еще заноза, мог здесь и «клопов» оставить. А мы посмотрим, что на этом кристалле в другом месте.

– И то правда, – согласился Мэйсон, вставая и обходя стол, чтобы забрать кристалл памяти.

– И все, что там есть, на этом кристалле, нужно проверить на вшивость, вдруг шпионскую программу какую занесли. Три месяца назад мы взяли на работу шустрого парня, системщика. Ты, кажется, говорил, что он хороший специалист?

– Да, пока он лучший, что у нас были. Отдать ему? – Мэйсон подкинул кристалл памяти на ладони.

– Пригласи его к нам.

Райбек покинул офис «Магнолии», прошел к общественной стоянке, уселся в свой мобиль и облегченно выдохнул. Понаставить «клопов» не составило особого труда, и он даже улыбнулся про себя, представляя, как после его визита будут чистить кабинет боссов.

Он вырулил со стоянки, включил автопилот и расслабленно откинулся в кресле. Компьютер уверенно вел мобиль по городским улицам, и уже через полчаса Райбек был во дворе здания, которое занимала его специальная группа. Оставив мобиль, он прошел внутрь, заглянул к техникам.

– Парни, я сегодня был в осином гнезде и хоть и оставлял мобиль на общественной стоянке, проверьте на вшивость, пожалуйста.

– Да, босс, – откликнулся один из техников. – Я сейчас этим займусь.

Райбек прошел в свой кабинет, уселся в кресло за стол. Вскоре подоспел старший отдела информационной службы.

– Чистят, босс, – с ходу начал отчитываться он. – «Клопов» убирают один за другим. Как только вы ушли оттуда, Мэйсон вызвал техников. Уорингтон быстро сориентировался, назвал вас той еще занозой.

– Это хорошо, пусть хоть чем-то займутся, нам нужно держать их в тонусе некоторое время. Что по основному плану?

– Пока ничего, как только архив данных распакуют, мы начнем шарить в их системе. Достаточно, чтобы кристалл просто вставили в считыватель, соединенный с общей сетью.

– Будем надеяться, что Кеннет не подведет. Ждем.

Мэйсон и Уорингтон пригласили одного из компьютерных техников. Тот деловито раскрыл свой кейс-кофр, вытащил терминал со считывателем, уселся поудобнее.

– Это надолго? – поинтересовался Мэйсон.

– Нет, сэр, – мотнул головой техник. – Не более десяти минут. Мне нужно коннекторное гнездо сети.

– Вот, – указал Мэйсон.

– А зачем сеть? Неужели нельзя проверить на наличие вредоносных программ, не подключаясь к сети? – забеспокоился Уорингтон. В отличие от Мэйсона, у него были некоторые познания в компьютерной технике и программировании.

– Сэр, при помощи сети мне потребуется создать псевдоструктуру. Я не буду работать с кристаллом при включенной сети, мне просто нужно создать конфигурацию. Вот, смотрите, я создаю псевдоструктуру сети, мой терминал запоминает ее, после этого я подключаю считыватель, который сообщает о своем присутствии. Всё. Я не считывал информацию с кристалла, даже не открывал его структурную оболочку. А вот теперь я отключаюсь от сети, мой терминал начинает работать автономно, но как будто бы остается подключенным к сети. Если вредоносная программа содержится в структурной оболочке, то я ее отслежу, как только дам команду на открытие общего массива памяти кристалла. Программа, как правило, стремится проникнуть в сеть, я ей это позволяю, но на этом всё. Она в виртуальной ловушке. Если программа в структуре сжатых файлов, то она уже проявит себя при открытии этих файлов или при распаковке массива.

– Я ничего не понял, – честно признался Мэйсон.

– А я понял, – Уорингтон склонился к терминалу, на котором работал техник. – Ну и как, есть «клопы»?

– Одну минуту, сэр, – попросил тот. – Пока все чисто, распаковывать массивы с данными?

– Распаковывай, – кивнул Уорингтон.

– Чисто, сэр.

– Давай дальше, вскрывай все папки, а потом ставь на проверку.

– Да, сэр, – техник начал активно барабанить по клавиатуре терминала, на экране которого побежали строки команд.

Через десять минут техник сообщил, что кристалл чист на предмет вредоносных и шпионских программ.

– Хорошо, ты свободен, э-э-э... как там тебя?

– Кеннет, сэр. Стив Кеннет.

– Отличная работа, Кеннет, – скупой похвалил техника Уорингтон и кивком головы отпустил. А едва тот вышел, присел за стол, придвинул к себе рабочий терминал, раскрыл считыватель, вставил туда кристалл. – А теперь посмотрим, что там за косяки, которые нам предлагают исправить.

– Тебе не кажется, что это банальный шантаж? На уровне правительства? – Мэйсон подвинул к столу свободный стул.

– Кажется? Да это и есть шантаж! – Уорингтон начал просматривать файлы. – И это первая ласточка. Так называемый флажок. Потом будут и другие. Начнем прогибаться, нас попросту сомнут и превратят в дойную корову, и будут дергать за вымя все кому не лень. Нужно срочно что-то начать думать.

– Выведем производства куда-нибудь еще?

– Куда?! Ты хоть представляешь, во сколько нам может обойтись вывод активов и производств с планеты? Это все равно что начинать дело с нуля! Нет, нужно что-то предпринять, мой друг.

– От нас как раз и ждут решительных действий, – Мэйсон, хоть и казался глуповатым, когда дело касалось активных действий, проявлял недюжинный талант. Его коньком было действие. Умение находить нужных людей и действовать. Уорингтон в их дуэте выступал больше планировщиком, генератором идей. – Если мы сейчас начнем дергаться, этот Райбек тут же возьмет нас на крючок. Тут думать нужно.

– Будем думать, – утвердительно кивнул Уорингтон. – Так, я сейчас сделаю для тебя копию, ты должен все это изучить. Потом прикинем, что нам делать.

13

Джейк Уорингтон прохаживался по огромному кабинету, вдоль стола. Эдвард Мэйсон сидел за столом и просматривал что-то на экране терминала. Они второй день просчитывали, во что им обойдутся уступки, на которые их подталкивало правительство.

– Ты, знаешь, я вообще не понимаю, почему к нам пришел этот Райбек? Почему послали эту ищейку? – Мэйсон оторвался от терминала.

– А ты хотел, чтобы к тебе пришел министр финансов или председатель экономического совета? – Уорингтон продолжал вышагивать туда-сюда, заложив руки за спину. – Райбек в нашей ситуации самая подходящая фигура.

– Ну и?..

– Придется уступать.

– Но как? В свете того, что ты выдвинул свою кандидатуру в сенат...

– Вот поэтому и придется. Это, видимо, одно из условий. Они дают мне зеленый свет на выборах, а мы идем на уступки. – Уорингтон остановился и повернулся к Мэйсону. – По большому счету что мы теряем? Лишь полный контроль над шестью малыми компаниями. Частично мы остаемся владельцами этих компаний, они по-прежнему в составе нашей группы.

– А Райбек? Он же сказал, что будет рыть под нас.

– А что он может нарыть кроме косвенных улик? Владельцы компаний собственноручно подписывали свои соглашения, в присутствии огромного количества свидетелей, на законных основаниях. А уж то, что с ними случилось, это не наше дело. Ну убили кого-то там, ну помер от приступа, ну выпал из окна, всякое бывает. Ты же подчистил все, не так ли?

– Можешь не сомневаться, – угрюмо отозвался Мэйсон. – Ни одной ниточки.

– Ну и вот, пожалуйста! И что у этого копа на нас есть? Кроме домыслов? Да, мы немного перегибаем порой палку с наследниками владельцев компаний, не допускаем их к управлению, но это же бизнес, все в рамках закона. Прикинь, если бы сейчас мы поставили к штурвалу «Коулл фармасьютикал» этого придурка? Как там его?

– Николас Коулл.

– Вот! Представь, идиот в управляющем сегменте компании! Это как бы выглядело? Старик подписал документы, продал нам тридцать пять процентов акций, все законно. Молодой Коулл считается недееспособным, а мы от его имени управляем компанией. На его счет ежемесячно поступает приличная сумма... Что еще нужно? Управление на время его болезни оформлено по закону. Так же и с остальными. Ну, с Коуллом понятно, тут случай такой, что даже введи мы его в управляющий сектор, он не способен принимать решения и вообще чем-либо руководить. Пусть предоставит справки о полном выздоровлении и своей дееспособности, тогда да, пожалуйста. С остальными можно решить вопрос, введем кого-нибудь в руководство их компаний, дадим им немного порулить, но ведь у нас всегда есть право наложить вето. Ну, поиграемся с полгодика, потом все вернется на круги своя. Давай, поднимай зад, приступай к поискам этих недовольных родственников, начинай консультации и встречи. Правительству нужно видеть нашу деятельность и готовность пойти на компромисс. А уж как только я сяду в кресло сенатора, так там и посмотрим, как дальше быть. Хватит уже сидеть и бумажки переворачивать, пора пробираться к рулю. Как только у нас появится возможность хоть сколько-то влиять на политический процесс, мы начнем выводить свои активы отсюда, понемногу, под видом расширения.

– Вот умеешь ты все просчитать и предусмотреть, Джейк! – воскликнул Эдвард Мэйсон. – Но остается Райбек, и с этим нужно что-то делать.

– И с этим что-то придумаем. У него есть начальство, не забывай, он цепной пес. И к нему ключик подберем. И кстати, раз уж вспомнили про этого, Коулла, расскажи, как он там проживает после освобождения?

– Его пригрел Бэнкс, это бывший телохранитель Андреса Коулла. Видимо, дядюшка не зря оставил ему четыре миллиона кредитов в наследство. А этот Бэнкс оказался ну очень порядочным человеком, не гляди что бывший отмороженный боксер с отбитой головой.

– Что, прямо так и пригрел?

– Ник Коулл живет у него в квартире, Бэнкс пристроил его на работу, разнорабочим в одну забегаловку. А по вечерам Коулл сидит в спортзале Бэнкса. Наверное, и там убирает. Если что у Бэнкса отбито, то не голова, это точно. Сразу этого идиота к работе приставил.

– А сам он что?

– Тюфяк тюфяком, – отмахнулся Мэйсон. – Мой человек наблюдал за ним некоторое время, потом я его отозвал. Там все спокойно.

– Но ты все же поинтересуйся, не хочет ли Николас Коулл заняться семейным бизнесом. А если вдруг у него такое желание проявится, попроси предоставить документ, удостоверяющий его дееспособность.

– Непременно!

И оба – Мэйсон и Уорингтон – рассмеялись.

Следующие две недели Мэйсон и Уорингтон были заняты тем, что реструктуризировали некоторые подразделения своей компании, исполняя требования правительства. Параллельно Джейк Уорингтон готовился к предвыборной кампании, Эдвард Мэйсон улаживал внутренние дела. Вся эта суэта активно отслеживалась группой Райбека.

Как-то вечером, когда рабочий день уже давно закончился, Мэйсон и Уорингтон сидели в своем кабинете и обсуждали проделанную работу, планировали то, что нужно сделать завтра. Они часто так делали, не доверяя частности никому.

Эдвард Мэйсон тяжело вздохнул, отставил стакан с недопитым виски, взглянув на окно, вернее на псевдоокно – экран, на который транслировалась реальная картинка с улицы. Мотнув головой и еще раз вздохнув, повернулся к своему компаньону.

– Ты только посмотри, Джейк, дождь! А эта вертлявая сучка с новостного канала еще утром расписывала хорошую погоду на весь день! Кто им платит, Джейк?

– Кто-то платит, – не особо обращая внимания на брюзжание Мэйсона, ответил Уорингтон, продолжая просматривать что-то на экране терминала. – Тем более что день уже закончился, Эд. Ты мне скажи лучше, кто платит экспертам из Ларнетского университета медицины на Гонте?

– Правительство платит. Их правительство. Ну, или... ну, не знаю. – Мэйсон подался немного вперед. – А что?

– А сколько им платят, знаешь?

– Джейк, давай-ка ты сделаешь запрос в нашу службу безопасности, и они все выяснят. Что ты задумал?

– У меня идея есть, – Уорингтон оторвался от терминала, откинулся на спинку своего кресла. – Помнишь, нам предлагали купить тело биота?

– Х-ха! Пятнадцать миллионов кредитов за какое-то тело! Как же, помню! – Мэйсон заулыбался, но потом махнул рукой. – Брось, Джейк, оно того не стоит. Где гарантия, что тело действительно принадлежит биоту? Кто вообще знает про этих биотов? Хотя что-то стоящее? Скорее всего, это какой-то недешевый развод на бабки. Пятнадцать миллионов! Это же не просто деньги, это большие деньги!

– Я знаю, – на губах Уорингтона играла легкая улыбка. – Я все выяснил. Нам с тобой очень не помешает иметь в кармане такой козырь, как биот. Послушный и исполнительный, сильный, быстрый, умный.

– Сильные умными не бывают, а умные не бывают послушными. Ты сам себе противоречишь, Джейк. – Мэйсон вновь отмахнулся. – Давай лучше купим еще какую-нибудь молодую и перспективную компанию, немного отладим процессы под себя, и эта очередная несушка будет исправно приносить нам доход. Мы прошли ту стадию, когда нужно бороться, Джейк. Наше с тобой дело приносит нам такие деньги, что если вдруг и появится кто-то очень зубастый, мы его просто купим с потрохами. И все дела.

– Эдди, ты забываешь, что достичь вершины проще, чем удержаться на ней. Сейчас мы в шоколаде, спору нет, но кто знает, что будет завтра? Ну, утрясем сейчас вопросы с правительством, застолбим место в сенате. Нужно развиваться дальше, а политика это тебе не инъекторами торговать. Там другие порядки.

– У нас своя собственная армия, Джейк! – возразил Мэйсон. – Эти парни порвут любого! Мы можем нанять профессионалов, чтобы они свернули шею любому, на кого укажем.

– Это наемники, Эдди! – Мэйсон уже начал закипать. – Они как товар, покупаются и продаются! Никогда не забывай этого! Я могу доверять лишь тебе, а ты только и исключительно мне, потому что мы с тобой не просто друзья, мы с тобой и родственники. Мы с тобой с детства идем одним путем, дополняем друг друга во всем. Мы с тобой одно целое. А наемники это наемники, они сегодня с тобой, а завтра перережут тебе горло не моргнув. Нам просто необходимо хотя бы один боец, преданный до конца.

– Так давай купим андроидов! – Мэйсон фыркнул и вновь уставился в окно. Ему было жалко отдавать пятнадцать миллионов кредитов за какого-то биота. Что это вообще такое? Чем он отличается от андроида?

– Андроиды, конечно, хорошо, об этом я тоже думал, и мы обязательно это обсудим, но лишь после того, как купим биота. К тому же легальное использование андроидов у нас запрещено, не забывай об этом, здесь тебе не Рабочая Окраина и не Свободная Экономическая Зона.

– Тебе не жалко пятнадцати миллионов? – Мэйсон коротко взглянул на партнера.

– Стоит рискнуть, Эдди. Мы сидим на деньгах, некоторые активы вообще не используем на сто процентов. Я сделал для тебя презентацию и план расходов, посмотри на своем терминале. С ответом не тороплю, но настаиваю, чтобы ты не затягивал. Посмотри и подумай. Я там указал, для чего мы могли бы использовать биота. В перспективе.

– Ладно, – как бы нехотя согласился Мэйсон. – Но... Если вдруг...

– Ты посмотри сначала, потом мы обговорим все, и ты выдвинешь мне свои требования.

– Вот умеешь ты... эх! – Мэйсон качнул головой и покрутил пальцем. – Умеешь уговаривать!

– Я уверен, ты проникнешься идеей.

На этом они закончили свой рабочий день и уже спустя двадцать минут разъехались в разные стороны в сопровождении охраны. У каждого была своя частная жизнь, хотя оба были не женаты и бездетны.

14

Райбек оперативно получал всю информацию о действиях боссов «Магнолии». «Крот» исправно исполнял свои обязанности. Идея Уорингтона купить на черном рынке тело биота его насторожила, и он не преминул навестить свое начальство.

– Вот такие новости, сэр, – сказал в конце доклада Райбек.

– Это уже пахнет федеральным вмешательством, – неопределенно сказал начальник Райбека. – Технологии, которые не известны никому, непонятно откуда появляющиеся, люди, которые торгуют этими технологиями... Это очень щекотливая тема. Я боюсь, мы не потянем ее. По идее я немедленно должен доложить в Бюро федеральной безопасности, но давай-ка подождем. Просто разговоры на тему биотов еще ничего не значат.

– Сэр, я, конечно, изучал документацию, касающуюся биотов, но в общих чертах. Не могли бы вы предоставить мне чуть больше информации, чтобы я, так сказать, был более в курсе дел. Ведь если сюда приедут федералы с Нового Вашингтона или даже с Сестры, хотелось бы быть не просто мальчиком на побегушках.

Начальник пристально смотрел в глаза Райбека, наверное, целую минуту, потом кивнул.

– А ты уверен, что у меня имеется эта самая информация о биотах, и даже если она есть, она сильно отличается от того, что ты и так знаешь?

– Сэр, но ведь вы ранее работали в БФБ, и не простым агентом. И именно с вашей подачи была создана моя группа. Я подозреваю, что не просто так. Значит...

– Ладно, ладно, – махнул рукой начальник, поднялся со своего места и прошел к стене, где был встроенный сейф. Он открыл его, ничуть не смущаясь присутствия Райбека, достал коробку с кристаллами памяти, выбрал нужные. Закрыв сейф, начальник сел и, вынув из ящика стола пластиковый конверт, сложил туда кристаллы. – Возьми. Кристаллы защищены от копирования, так что просто изучай, читай, просматривай. Там с десятков случаев, когда биоты были в поле зрения БФБ, но оговарюсь, да это тебе и известно, что ни один биот не был исследован. Пленен да, но не исследован. Если мы здесь будем иметь дело с биотом, если вдруг информация по его покупке и инициации подтвердится, то я вызову сюда подкрепление. Сделай это дело приоритетным. Пусть Уорингтон и Мэйсон идут во власть, отложи пока расследование их причастности к убийствам владельцев захваченных ими компаний и фирм. Сосредоточься на биоте. Как только они совершат сделку по покупке, информировать незамедлительно. Иначе, если они смогут инициировать эту машину смерти, мы получим геморрой высшего порядка.

– Я понял, сэр, – кивнул Райбек.

– На этом всё.

Райбек вернулся к себе и тут же засел за изучение материала, который предоставил ему его босс. И едва он окунулся во все эти отчеты и свидетельства, факты, подкрепленные видео-и фотосъемкой, он понял, что о биотах до сих пор не знал практически ничего.

«О, боги! Здесь даже видеосъемка есть! Здесь все зафиксированные случаи обнаружения биотов среди людей!» – Райбек тер лоб и качал головой, таких секретов ему еще не доверяли. Самое большое досье было на «объект-11», им в первую очередь и заинтересовался Райбек.

«Объект под номером 11, известный так же как Джедедайя Смит. Рост 6 футов и 6,5 дюйма. Волосы светлые, телосложение атлетическое, вес, приблизительно 264 фунта (рост – 2 метра 3 сантиметра, вес – 120 килограммов). Владеет навыками ведения боевых действий в городских условиях, владеет навыками минера, стрелка-снайпера, в совершенстве владеет любым видом стрелкового вооружения. Совершенные навыки выживания, ножевой бой, рукопашный бой. Бескомпромиссен. Имеет навык внедрения и интеграции в любую структуру общества. Вынослив, живуч».

– Да ладно! – воскликнул Райбек, читая первые строки первичной характеристики на «объект-11». – Ну не может такого быть! Даже андроиды не обладают такими характеристиками!

Но, читая уже дальше, он вдруг перестал сомневаться.

«Биоты не изучены полностью. Не существует достоверной информации, что они такое. Тот факт, что они не люди, подтвержден, как и то, что это не кибернетические организмы. “Объект-11” отличается от остальных тем, что известен его инициатор, установлена личность, которая была использована для инициации. Профессор Мережко, Сергей Николаевич, известный своими опытами в воспроизводстве кибернетических организмов, был человеком, который инициировал тело биота. Факт покупки и доставки не известен, но имеются подтверждения того, что подопытный не был кибернетическим организмом (пройти по сноске). Личностью-инициатором послужил Александр Лакруа (данные по сноске). Сам факт переноса сознания в тело не подтвержден, но “объект-11” долгое время ассоциировал себя с личностью-инициатором».

Далее следовали зафиксированные факты, видео- и фотоподборки с пояснениями. Райбек читал сначала основной массив, потом возвращался к началу, искал сноски и раскрывал их, прочитывал, просматривал.

Просмотреть, как он сам определил, наскоро, весь материал по «объекту-11» Райбеку удалось за три дня. В голове просто не умещалась вся эта информация. Одно только видео с перестрелкой Джеда Смита с другим биотом, «объектом-10», женского пола, ввергало в шок. Если смотреть в реальном времени, то получалось, что фигуры, пойманные захватом видеокамер, двигались с умопомрачительной скоростью. А эти последние строки?

«В какой-то момент был зафиксирован факт сближения двух биотов, которые ранее конфликтовали. “Объект-11” и “объект-10” в какой-то момент начали работать в паре. Зафиксировано также, что оба исчезли из поля зрения после теракта у спортивного комплекса “Дорье”, в ходе которого погибли несколько человек (подробности по сноске). В течение последних шести месяцев перед своим исчезновением Дждед Смит, под видом бойца-“люкс” убил на ринге восемь противников (информация по сноске)».

После ознакомления с досье на «объект-11» Райбек перешел к изучению досье на «объект-10», у которой тоже было вполне человеческое имя – Джинджер Эшли. На этого биота женского пола информации было совсем мало, предполагалось, что сразу после инициации Джина Эшли была направлена на уничтожение Джеда Смита. Предположительно она совершила несколько неудачных покушений на Смита, один раз ее тело даже увезли в морг, сочтя мертвой и не подозревая, что она биот. Личность-инициатор для тела биота была установлена, это оказалась Джинджер Эшли, по документам медосвидетельствования пострадавшая от пожара в своем доме. «Скорая помощь» доставила ее в клинику, в реанимационное отделение, где она провела шесть дней, после чего умерла. Врачи, которые занимались Джинджер Эшли, впоследствии умерли один за другим по разным причинам, документация, по всей видимости, была изменена.

Еще несколько дней Райбек изучал все остальные скрупулезные досье, из чего сделал вывод – биоты были отнюдь не самыми послушными наемными убийцами. Какое-то время они выполняли свои прямые обязанности, а потом попросту пропадали. По этому поводу в каждом досье тоже имелись некоторые заметки, но они были противоречивы.

Несмотря на всю просмотренную информацию, Райбек остался несколько не удовлетворен. Он рассчитывал на настоящие секреты, а тут такое. Все это, с точки зрения обывателя, было похоже на выдумку. Райбек знал о биотах, знал, что они реально существуют, и информацию воспринял серьезно, но и общей картины он вывести не смог. Кто поставляет и продает этих биотов? Каким образом происходит инициация? Кто ее проводит? Во всех случаях это было неясно, исключение было лишь в случае с «объектом-11».

В один из дней Райбек просматривал свежие сводки по паре дел, которые велись параллельно. В кабинет зашел старший отдела технического обеспечения.

– Сэр, кое-что есть. Кеннет сбросил нам пакет данных за последние сутки. Вот, пожалуйста. – Старший положил на стол Райбека два кристалла памяти в пластиковой коробочке.

– Спасибо, – кивнул тот и отпустил техника.

Через некоторое время он стал просматривать данные, которые принес техник. Уже через пятнадцать минут Райбек выскочил из своего кабинета, прихватив с собой кристаллы памяти, что ему давал его начальник, и те, что принес техник. Еще через полчаса он был в кабинете своего босса.

– Сэр! Вот, посмотрите! – Райбек выложил перед боссом два кристалла, что ему принес техник.

– Что там? Вкратце.

– Сэр, там практически все то же самое, что вы мне дали недавно по поводу биотов!

– Неужели, – начальник Райбека был удивлен. – Ну, это не так чтобы суперсекретная информация, но она является недоступной для распространения.

– Значит, в БФБ протекает, сэр, – Райбек сел в кресло. – Это пришло сегодня по каналу связи. Уорингтон и Мэйсон изучают информацию по биотам, так же как и мы.

– Все в точности так, как и на тех кристаллах, которые я дал тебе? – поинтересовался начальник.

– Нет, сэр, – Райбек мотнул головой. – Там только девять коротких досье, но в основном информация по их, так сказать, работе. Кто и когда был заказан, сроки исполнения и качество работы. Это как бы презентация, я бы так это назвал.

– Кого же нет в этих досье?

– «Объект-10» и «объект-11» отсутствуют. И это странно.

– Хорошо, я понял, – босс покивал. – Продолжай работать, а я вызываю федералов. Дело серьезное, и если мы облажаемся, то на нас всех собак повесят, а так пусть спецы приезжают и делают свое дело. Возможно, так даже будет лучше, свалим эту «Магнолию», дышать станет свободнее.

– Сэр, но может, мы все же попытаемся справиться своими силами? – Райбек надеялся поставить крест на боссах «Магнолии» собственноручно.

– Осади, Энди, не надо рваться в бой, закусив удила.

– Что, простите, сэр, закусив? – не понял Райбек, но его босс лишь отмахнулся.

– Я хочу сказать, что ты не справишься. Так понятно? Когда придут федералы, я попрошу включить тебя в группу, да, скорее всего, они будут использовать наши мощности, так что без дела не останешься, тем более что «Магнолия» в разработке. Будут еще дела, но не в этом случае. Все, свободен.

Настроение Райбека немного испортилось. Но лишь немного. Подумав над ситуацией, он решил, что босс все же был прав, пусть это дело решают федералы. Облажаются, с них спрос. А если его группа провалит дело, это будет минус в карму. А неудач у группы Райбека пока не было.

15

Через четыре дня Райбек был оповещен о приезде специалистов БФБ. Райбек немного удивился, когда его начальник сообщил, что прибыли специалисты, а не агенты.

– Ну, что ж, специалисты так специалисты, – вздохнул он, собираясь на встречу, но едва уже хотел покинуть кабинет, как в дверь постучали.

– Войдите! – Левая бровь дернулась в недоумении, обычно подчиненные входили в кабинет без стука, он сразу установил такие правила – никакого этикета и проволочек, новости и доклады должны поступать оперативно и без всяких излишних правил приличия. Оповещение о визите было единственным, что разрешено.

В кабинет вошли двое: мужчина среднего роста, русые волосы, тонкие усики, крепко сложенный, с пронизательным взглядом серых глаз, и хорошо сложенная женщина в строгом деловом костюме, явно не нравящемся ей. Райбек отметил правильной формы лицо с чуть вздернутым носиком, тонкие губы, светлые волосы до плеч.

– Доброго дня, детектив Райбек, – первым поздоровался мужчина и, пройдя вперед, протянул руку. – Сергей Лавочкин, приглашенный специалист БФБ.

– Здравствуйте, – женщина протянула маленькую ручку, но рукопожатие оказалось твердым. – Светлана Гольцова, приглашенный специалист БФБ.

– Эндрю Райбек, – Райбек ответил на рукопожатия. – Можно просто Энди, ну, или детектив Райбек.

– Специальный детектив, – покивал Лавочкин. – Очень приятно познакомиться.

Райбек предложил гостям присесть за стол, сам снял плащ, повесил его обратно на вешалку, прошел к своему месту.

– Позвольте уточнить, что значит приглашенный агент БФБ? – спросил Райбек.

– Это значит, что мы сотрудничаем с Бюро федеральной безопасности Федерации Свободных Миров, но не являемся штатными сотрудниками, – ответила Гольцова.

– Вы русские?

– Да, – кивнул Лавочкин и улыбнулся.

– Очень все это странно, – произнес Райбек. – Не верится, что в Бюро не нашлось своих специалистов и они вынуждены обращаться к военным ведомствам Российской Империи.

– Ничего странного, детектив Райбек, – Лавочкин подался чуть вперед. – Просто российские спецслужбы располагают большей информацией по поводу биотов. Мы делимся ею с Бюро, в определенном размере, конечно. Мало того, у нас есть реальный опыт по устранению биотов.

– Физическое устранение? – уточнил Райбек.

– Нет, но после нашего вмешательства биоты переставали работать по профилю. – Гольцова сложила руки на столе. – Сразу скажу, что мы не единственные, кто отслеживает биотов.

– Кто же еще? Агенты Поднебесной? Арабский сектор? Корпораты?

– Ни те, ни другие и ни третьи. – Гольцова улыбнулась лишь уголками губ. – Им не до этого. Есть, как бы это правильно назвать, «третья сила».

– Неужели мифический Легион?! – удивленно воскликнул Райбек и рассмеялся. Внезапно пришла мысль, что в Бюро совсем помешались, наверное, там вообще одни кретины, раз приглашают русских для участия в таких деликатных делах. А русские агенты еще бо€льшие кретины, раз верят в какую-то мифическую «третью силу».

Лавочкин и Гольцова переглянулись, на их лицах появились улыбки.

– Мы не кретины, – помотал головой Лавочкин. – И в Бюро сидят абсолютно адекватные люди, детектив Райбек. Не нужно списывать свою неосведомленность и невежество на кретинизм других.

Райбек перестал улыбаться. Лица его гостей тоже стали серьезными.

«Они что же, читают мысли?» – мелькнул вопрос в голове Райбека.

– Давайте приступим к работе, детектив Райбек, – попросила Гольцова. – Нам нужны все данные. Допуск к секретной информации вашего ведомства у нас имеется. И еще, нам хотелось бы, чтобы вы работали с нами непосредственно.

– Конечно, – кивнул Райбек. – Вся документацию и данные я вам предоставлю незамедлительно.

– Прямо сейчас, – подсказал Лавочкин. – Мы начнем работать прямо сейчас. Выделите нам отдельную комнату или позвольте работать прямо здесь, в вашем кабинете, места здесь предостаточно.

– Думаю, здесь будет удобнее, – сказал Райбек. – Вся связь замкнута на этот кабинет. А для отдыха я распоряжусь выделить две комнаты на втором этаже, в жилом блоке. Еще у нас есть своя столовая, так что с питанием нет проблем.

Следующие три часа Райбек работал с русскими. Они вместе вновь просматривали все данные, прослушивали разговоры, записанные «кротом». Райбек делился своими соображениями и устными фактами.

Русские, напротив, выложили перед Райбеком некоторые свои данные, посвятив его в кое-какие аспекты историй о биотах.

– Мы составим план действий и обсудим его, – предложила Гольцова. – Факт покупки, время доставки и момент инициации нам пока неизвестен. Если вдруг мы получим данные о покупке, постараемся накрыть и покупателей и продавцов. Но это вряд ли. Продавцы, как правило, ставят четкие условия о переговорах и моменте самой сделки. Еще не было ни одного случая, когда нам удалось отследить момент покупки и транспортировки, а также, смею признать, момента инициации. Возможно, в этот раз нам повезет больше. «Крот» в «Магнолии» очень своевременное действие с вашей стороны.

– Ну, вообще-то мы работали по другому делу, – развел руками Райбек. – А в какой-то момент всплыл этот разговор о биоте.

Но следующий день принес разочарование. Старший отдела технического обеспечения ворвался в кабинет Райбека уже в восемь утра и, кинув на стол несколько листов с распечатками и кристалл памяти, выпалил:

– Сэр! Кеннета раскрыли!

– Как?! – Райбек рванул из-за стола, куда присел вот только что.

– Не знаю, сэр, но по его каналу связи пришел последний отчет. – Техник подал верхний лист пластбумаги Райбеку. – Они каким-то образом пронюхали о нем и... вот.

Райбек схватил листок и стал читать. Всего две строчки. *«Не суйте нос в наши дела. Иначе мы вас просто зачистим».*

Первым порывом Райбека было объявить силовой захват офиса «Магнолии».

– Ну, суки! Ну, я им устрою зачистку! Вызывай «тяжелых», всем полный сбор!

– Успокойтесь, Райбек! – повысил голос Лавочкин. – Успокойтесь! Слив вашего агента означает, что продавец уже был в «Магнолии» и сумел максимально обеспечить безопасность сделки. Наверняка она состоится в ближайшее время. Теперь мы начинаем отслеживать прибытие сюда какого-нибудь специалиста, который проведет процесс инициации.

– Да они издеваются над нами! – не успокаивался Райбек. – Мне еще никто не бросал такого вызова, тем более в открытую! И они убили моего агента!

В этот момент в кабинет вошел один из полевых агентов, посмотрел на присутствующих, потом на Райбека.

– Что еще?! – рявкнул Райбек.

– Кеннет вышел на связь, сэр. Двое наших поехали за ним. Он в старом карьере, в двадцати милях на северо-восток.

– Что с ним?!

– Жив, но как он сам сообщил, пробыл без сознания некоторое время, очнулся в карьере, на груди коммуникатор. Подробности по прибытии.

– Вот видите, они просто выдворили его, – сказала Гольцова. – Вычислили и выдворили. Сейчас нужно выяснить, сколько времени он был недееспособным.

Райбек сел на свое место, шумно вздохнул и покачал головой. Все пошло наперекосяк с появлением информации про этого чертова биота! Впервые за долгое время все пошло не так, как нужно, не так, как планировал он. А ведь все операции, все дела, которые вела группа Райбека, всегда проходили без сучка и задоринки. Детектив Райбек вдруг почувствовал себя обманутым. Обманутым самим собой. Возгордился, возомнил себя и своих людей самыми крутыми в этом мире. Кто он на самом деле? Да простой коп с чуть расширенными полномочиями.

Райбек встал и вышел из кабинета, побрел по коридорам в сторону комнаты отдыха. Его вдруг охватила какая-то апатия, ощущение бесполезности всего, что он делает.

Но дойти до комнаты отдыха ему не дал еще один техник связи, работающий в тесном контакте с полевыми агентами.

– Сэр, сообщение от Мэрли! На Бригантию прибыли трое из подразделения «Росомаха», один из них майор Сазонов. Я приказал Мэрли отслеживать их передвижения.

Райбек принял распечатки и, развернувшись, направился обратно, в кабинет. Войдя, он уселся на свое место и посмотрел на Гольцову и Лавочкина.

– У меня появились некоторые дела, камрады. На планету прибыли бывшие сослуживцы одного моего подопечного. На день или два я выпадю из вашей команды, нужно хоть здесь сделать что-то правильно.

– Что именно произошло, не просветите? – спросила Гольцова.

Райбек кратко рассказал о деле тюрьмы-клиники и об одном из заключенных, Нике Коулле.

– Теперь трое «росомах» приехали навестить своего бывшего сослуживца. Я не знаю, что это значит, но Сазонов не простой боец подразделения. И его интерес к Коуллу меня напрягает.

Во время этого короткого разговора Лавочкин работал с терминалом, в итоге вдруг сказал:

– Если кто-то следит за перемещениями этой троицы, отзовите немедленно. Светлана, глянь.

Гольцова, стоящая рядом с Лавочкиным, склонилась к экрану терминала, пробежалась глазами, потом подхватила его и перенесла на стол Райбека, подвинула и указала пальцем, мол, прочитайте.

– Отзывают своих людей, Райбек, – повторил Лавочкин после того, как детектив дочитал до конца то, что было на экране терминала.

– Но кто-то же должен отслеживать перемещение этого чистильщика!

– Наши люди справятся с этим, – успокоил детектива Лавочкин. – Я уже отдал приказ.

– Ваши люди? – удивился Райбек.

– Да, – кивнул русский. – А вы что же, подумали, мы вдвоем прибыли ловить пресловутого биота? Детектив, все намного серьезнее, чем вам кажется.

16

Сегодня у Ника Коулла выходной, а вчера Бэнкс предложил съездить на побережье, прокатиться на арендованном катере, устроить барбекю. И тот согласился, тем более что Бэнкс обещал отвезти его на остров, где располагался дом дяди Андреса, который был законсервирован, и в нем никто не жил. Бэнкс уговорил адвокатов не продавать дом, вопреки завещанию Андреса Коулла.

Они вышли из дома в половине восьмого утра, прихватив с собой небольшой продуктовый кофр, где было вымоченное в пряном соусе мясо и столовые наборы. Прочие продукты решили купить по пути к побережью. Они уселись в мобиль Бэнкса и покинули парковочный этаж.

– На следующей неделе я начну учить тебя водить, Ник, – пообещал Бэнкс, уверенно перестраиваясь из ряда в ряд. – Водительское удостоверение тебе вряд ли сейчас выдадут, еще предстоит пройти медкомиссию, но водить ты должен научиться.

– Ты говорил, что раньше я водил мобиль и гравибайк. – Ник, когда ездил с Бэнксом, любил смотреть в окно, наблюдая пролетающие мимо дома, постройки, пейзажи.

– То было раньше, Ник. Проблема в том, что ты ничего не помнишь из прошлой жизни. Я тебе говорил, что ты раньше отлично играл в гравибол?

– Да.

– Но ты ведь этого не помнишь?

– Нет, не помню.

– А когда на игровой площадке ты вдруг сделал проход с перепасовкой, ребяташки решили, что ты профессионал. Да еще так высоко подпрыгнуть, чтобы миновать защитника и уложить мяч за линию, это было красиво! А представь, что на тебе антиграв и ты на настоящей площадке?

– Не представляю, – мотнул головой Ник. – Наверное, это так удачно получилось.

– Ник, я тебе не перестану повторять, ты многое умеешь, многое знаешь, просто тумблер в твоей голове выключили. А тело продолжает помнить. А как ты спаррингуешься? Парни от твоих выкрутасов просто в восторге, многие пытаются повторять твои связки, манеру. Ничего, Ник, ты все вспомнишь. – Бэнкс ткнул Ника в плечо. – Сейчас заедем в какой-нибудь маркет, прикупим пива, овощей, мясо у нас есть, и отправимся кататься. Развеемся, забудем хоть на денек городскую суету. Море это классно!

Они, как и сказал Бэнкс, накупили всякой всячины в одном из маркетов на побережье, поехали на пирсы, где их ожидал катер. Техник-смотрящий помог им загрузиться и пожелал удачного дня. Катер отвалил от пирса, Бэнкс вывел его на большую воду и кликнул Ника, который стоял на носу.

– Иди сюда! – позвал его Бэнкс. – Вставай за штурвал. Тут нет ничего сложного, просто поглядывай на экран навигатора и доворачивай штурвал в нужную сторону. Если устанешь, просто ткни вот сюда, автопилот возьмет управление на себя.

– А ты?

– А я пойду, полежу малость на солнышке... – Бэнкс улыбнулся. Он вообще редко улыбался, все больше хмурился, будто что-то постоянно обдумывая.

– Хорошо, – кивнул Ник. – Я командир катера.

– Не-не, командир я, – указал на себя Бэнкс и опять улыбнулся. – И не командир, а капитан. А ты – рулевой! Посматривай на навигатор, а то на мель посадишь эту посудину.

Просто стоять за штурвалом Нику надоело уже через пятнадцать минут, к тому же его подташнивало. Он отдал управление катером автопилоту, а сам присоединился к Бэнксу, взяв

из холодильника бутылку пива. Но после пары глотков Ника стошнило. Бэнкс успокоил, сказав, что это морская болезнь, все из-за качки, и скоро это пройдет.

Позагорать так и не пришлось, свежий ветер портил картину, хоть и солнце светило вовсю.

– Весна, что делать, – разочарованно сказал Бэнкс, зябко кутаясь в одеяло. Когда они только выходили в море, ему показалось, что было тепло и будет шанс немного понежиться на солнышке.

– А разве нельзя просто позагорать в солярии? – поинтересовался Ник у разочарованного Бэнкса.

– Солярий это все не то, – отмахнулся тот. – Представь, что вместо куска настоящего мяса тебе дадут кусок мяса из повторителя. На вкус то же самое, питательные вещества присутствуют, но ты знаешь, что повторитель просто сформировал кусок мяса из сублимированной биомассы. Или кофе, такая же песня. То ли дело настоящий, ароматный, а не какой-нибудь сублимат из банки. Суррогат, заменитель. Так и с загаром, настоящий даже выглядит по-другому. А ощущения? Их ничем не заменишь!

Вскоре на горизонте появилась тонкая полоска земли, Бэнкс указал на нее Нику и стал рассказывать, как там, на этом острове, все устроено. Оказалось, что это не какой-нибудь крохотный клочок земли, вполне приличный остров с десятком земельных владений. Все жители острова вполне пристойные люди, обремененные деньгами и положением в обществе.

Остров приближался, уже была видна полоска прибоя, Бэнкс встал за штурвал и отключил автопилот. Видно было, что он не первый раз – и даже не второй и не третий – заходит с моря к острову. Катер принял вправо, встал бортом к береговой линии и понесся вдоль нее, понемногу огибая остров. Через пятнадцать минут Бэнкс сбросил скорость, и катер пошел более спокойно.

Вскоре катер повернул прямо к берегу, к небольшому каменному пирсу. Их никто не встречал, запустение было видно невооруженным взглядом. Причалив к пирсу и накинув на кнехты швартовые концы, Ник и Бэнкс сошли на берег, прихватив с собой свою поклажу.

– Нужно будет нанять людей, чтобы здесь немного навели порядок, – немного расстроено сказал Бэнкс, поглядывая по сторонам. – Нам дальше, по лестнице, вверх.

Они поднялись по каменной лестнице, вырубленной в невысокой скале, и оказались на естественной террасе, где расположился дом. Выстеленный каменной плиткой двор был засыпан прелой листвой, которую не смогли смыть зимние дожди. Бэнкс увлек Ника за собой, к дому.

Вставив в электронный замок магнитный ключ, здоровяк приоткрыл дверь, пропуская Ника.

– Это задний двор по сути, – пояснил он. – Сейчас выйдем через парадную, там слева есть небольшой сад и беседка. Вот там и расположимся.

– А посмотреть дом можно?

– Конечно, можно, – кивнул Бэнкс. – По сути, Ник, это твой дом. Я не позволил его продать после смерти твоего дяди, здесь все осталось так же, как и при нем. Пошли, отнесем вещи, а потом я покажу тебе все.

Около часа Бэнкс показывал Нику прилегающие постройки, взлетно-посадочную площадку для гравирбота, мастерскую, сад. В некоторых местах Ник останавливался и замирал, прищуривал глаза, глядя на что-то, что попало в поле его зрения. Бэнкс в этот момент прерывал свой рассказ и наблюдал за Ником. Ему казалось, что вот-вот, еще немного, чуть-чуть и Ник Коулл вспомнит себя, свое прошлое, свою жизнь. Но в какой-то момент Ник будто приходил в себя, очнувшись, начинал вертеть головой по сторонам и снова спрашивать.

В конце экскурсии по дому Бэнкс привел Ника в его комнату, ту самую, где тот жил и рос до того, как подписать контракт на службу в федеральной армии, и жил после своего

возвращения. На одной из стен висел плакат с игроком гравоболистом, в одной руке у него был мяч, в другой призовой кубок. За решеткой шлема лицо было не так хорошо различимо, но видно было, что игрок улыбается.

Ник замер перед плакатом, а Бэнкс, три дня назад побывавший здесь и повесивший плакат на стену, наблюдал за реакцией.

– Я... знаю... – Ник смотрел на плакат, потом провел по нему пальцами. – Финальный матч первенства колледжей... Мы... мы тогда... мы выиграли.

Коулл повернулся к Бэнксу, их взгляды встретились.

– Да, Ник, твоя команда тогда взяла Кубок колледжей со счетом девяносто два – девяносто. Фото сделано сразу после матча, вся команда фотографировалась вместе и по отдельности. Это была твоя последняя игра за команду колледжа.

– А потом мы... – Ник заморгал. – Потом мы пошли в клуб «Аваско», а дядя сказал, чтобы я не напивался.

Бэнкс подошел ближе, обнял Ника, похлопал по спине своей огромной ладонью.

– Все нормально, братец, ты вспомнил. Дальше будет легче. – Комок подкатил к горлу бывшего бойца-«химика». Нет, слез не было, но такого чувства, смеси радости и грусти, он не испытывал никогда. Ну, возможно, когда-то, давно, в далеком детстве. – Ты молодец, Ники, ты молодец. Пойдем в сад, пора жарить мясо.

Ник Коулл некоторое время пребывал в молчании, помогая Бэнксу с продуктами. Но жарить мясо здоровяк взялся сам, хотя показывал и рассказывал, что и как, какие тут могут быть секреты.

– Бэнкс, почему мы не купили мясо в маркете? Я видел, там были отличные куски для барбекю.

– Потому что в маркете продается мясо либо сухое, то есть не маринованное, а я такое не люблю, да и ты, мне помнится, всегда уважал мясо, которое жарил дядя Андрес. А я учился у него. Или продается мясо маринованное, но опять же, тут есть нюанс. Мясо из маркета для тех, кто ничего сам не умеет и ему все равно, сколько там положили трав, соли и специй. В общем, если хочешь сделать вкусное мясо, все нужно делать самому. Начиная от выбора куска мяса, которое должно быть свежим буквально, маринования, процесс которого тоже нужно знать и соблюдать некоторые правила. А уж для маринада нужно уметь подобрать специи. Но и это всего лишь полдела, потому как процесс жарки мяса это едва ли не главное.

– Хочешь сделать хорошо, делай сам. Так? – Ник посмотрел на Бэнкса.

– Точно!

Они жарили мясо на барбекю, сделанном из камня, оснащенном специальной горелкой, вертелом и конфоркой для жаровни. Но Бэнкс предпочел использовать натуральный древесный уголь для жарки. Он показывал Нику, как и когда нужно переворачивать мясо. Тушили овощи с коричневым рисом в толстостенном чугушке. Потом они, разместившись в беседке, за столом, насыщались жареным мясом, рисом и овощами, запивая все это пивом «Мастер Тук», по восемнадцать кредитов за бутылку. Бэнкс знал толк и в пиве, выбирал всегда натуральное пиво, которое делали на местном пивоваренном заводе. «Мастер Тук» было единственным пивом с ограниченным сроком хранения, не содержало консервантов и изготавливалось по старым рецептам, с соблюдением всех традиций пивоварения. От того и такая завышенная цена.

На острове они провели целый день, вернувшись на побережье к семи часам вечера, а еще через час уже были в городе. И здесь их ждал сюрприз. На парковочном этаже их ждали трое. И одного из них Бэнкс сразу же узнал. Его губы презрительно скривились, но лишь на секунду. Опытный взгляд бойца и телохранителя мгновенно определил, что все трое излишне напряжены и все трое вооружены.

– Ник, держи язык за зубами, – прошипел Бэнкс. – Ни слова.

17

От троицы отделился один и пошел навстречу Бэнксу и Нику, на его губах играла улыбка, а подойдя ближе, он развел руки.

– Ник Коулл! Привет тебе, мой друг! – Он попытался обнять Ника, но тот посмотрел на Бэнкса, как бы спрашивая, кто это? – Ты что, не узнал меня?

– Капитан Сазонов, если не ошибаюсь? – встрял Бэнкс и встал так, чтобы отгородить незваного гостя от Ника.

– О! Мы с вами встречались! Вы телохранитель мистера Коулла. Как он поживает?

– Что вы хотели, капитан Сазонов? – Бэнкс сдвинул брови.

– Майор, – поправил его Сазонов. – Уже давно майор. М-да... А что я хотел? Так ведь мы с парнями заскочили проведать нашего старого друга, Ника. Мы ведь сослуживцы, не один год вместе были, такое не забывается, тем более Ник у нас герой.

Сазонов обернулся и махнул рукой своим спутникам, те двинулись с места.

– Мы тут по своим делам, командировка у нас, если быть точнее. Но вот, заехали повидать сослуживца. – Сазонов отступил чуть в сторону. – Ник, ты как?

– По-прежнему, господин майор, – ответил за Ника Бэнкс. – Ник еще не оправился. Тем более он просидел пять лет в тюрьме по ложному обвинению, это тоже стресс.

– Это плохо, – наигранно покачал головой Сазонов, не спуская глаз с Коулла. – И что, он по-прежнему ничего не говорит и ничего не помнит?

– Едва может связать пару слов, – Бэнкс не стал врать, но и всей правды ему говорить не хотелось. – А память... Когданибудь вернется, я уверен. Ну а даже и если не вернется, у него вся жизнь впереди, будут новые воспоминания. Извините, нам пора.

– А вы не пригласите нас к себе? – Сазонов продолжал смотреть на Ника, а тот с отсутствующим взглядом рассматривал машины.

– Думаю, в этом нет необходимости, – Бэнкс взял за руку Ника и как ребенка повел за собой.

– Ну, ладно, – Сазонов сделал вид, будто расстроился, покивал, как бы понимая ситуацию. – Но вы не против, если мы нет-нет будем навещать Ника? Я так понимаю, теперь вы опекуны?

– Нет, не против, – не поворачивая головы и увлекая за собой Коулла, ответил Бэнкс.

Едва они оказались в квартире, Ник уселся в кресло и схватился за голову.

– Сазонов, Сазонов! Я знаю его! Я его знаю, Бэнкс!

– Несомненно, – здоровяк скинул легкую куртку и, повесив на вешалку, достал из шкафа в прихожей пластиковый кофр. Раскрыв, он выудил из него кобуру скрытого ношения и пистолет. – Но мнится мне, воспоминания о нем не несут ничего хорошего. Не было печали, пришла, откуда не ждали...

Бэнкс уселся за стол в гостиной и принялся осматривать пистолет, разобрав его насколько это было возможно. Ник, наблюдая за его манипуляциями, вдруг сказал:

– «Магнетик», серия 605, калибр шесть с половиной миллиметров, энергоразрядный спусковой механизм, батарея энергоснабжения несъемная, магазин на тридцать пуль сферической формы, прицельная дальность стрельбы сорок пять метров, убийная сила сохраняется на расстоянии двадцати пяти метров. Разрешен для использования гражданским населением в качестве оружия самообороны. Полицией и в вооруженных силах не используется из-за слабой убийной силы, наличия спускового крючка и неудобства подзарядки.

Бэнкс замер, потом взглянул на Ника, который смотрел на пистолет в его руках. Потом встал и прошел в прихожую, где из кофра достал другой пистолет, принес в гостиную, положил на стол. Этот был массивнее «магнетика».

– «Пастырь», серия 9/22, модифицированный, с шумоподавитель, калибр восемь миллиметров, энергоразрядный спусковой механизм третьего поколения, съемная батарея питания, магазин на тридцать сферических пуль, прицельная дальность пятьдесят – пятьдесят пять метров, убойная сила сохраняется на данной дистанции. Оснащается биметаллическим боезапасом или кумулятивным. Запрещен для продажи гражданским лицам, используется в основном войсками спецназначения как вспомогательное оружие.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.